

ОНО ЖДАЛО В ГЛУБИНЕ. ОНО ВСЕГДА БЫЛО ТАМ

ВОДЯНОЙ

МАРГАРИТА МЮЛЛЕР

МЭРИ НОВАК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мэри Новак

Водяной

<https://litres.ru/74628139>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Минске стоит такая жара, что асфальт плавится, а вода в каналах не остывает даже ночью.

В этой воде находят женщин. Молодых. Красивых. Тех, кто просто шёл домой.

Следствие сбилось с ног, но у него нет ни свидетелей, ни мотива, ни даже понимания, почему все преступления совпадают с новолунием.

Есть только следователь Вадим — аккуратный до педантичности, спокойный до холода, одержимый до бессонницы.

Он знает о смерти всё. Но этим летом что-то меняется. Жажда становится невыносимой. Ночи заполняются провалами, а знакомые места порой кажутся чужими. И чем глубже он погружается в расследование, тем сильнее ощущает: в происходящем есть нечто, чему невозможно найти объяснение.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	37
Глава 4	47
Глава 5	57
Глава 6	71
Глава 7	83
Глава 8	92
Глава 9	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Мэри Новак

Водяной

Пролог

Минск, 0:57

Вода была черной.

Не темной — темной бывает ночь, темным бывает небо, темной бывает тень от дома на асфальте. Нет. Вода была черной так, как бывает черной только кровь, если смотреть на нее в темноте. Густая. Непроницаемая. Живая.

Оно плыло.

Оно не думало словами. Слова ему не были нужны — они остались где-то там, наверху, в мире воздуха и света, в мире, который Оно помнило смутно, как человек помнит вкус детства. Оно думало ощущениями. Давление толщи на спине. Холод, который не был холодом. Течение, которое скользило по бокам, как чужая рука.

Оно двигалось вдоль дна.

Канал тянулся вперед, прямой и бесконечный, и Оно знало его наизусть — каждый камень, каждую покрывку, каждый ржавый ободок трубы, торчащий из бетона. Оно знало этот канал лучше, чем знало собственное тело. Потому что это и было его тело. Канал. Река. Озеро. Вода.

Наверху горели фонари.

Сквозь толщу они выглядели как мутные луны — желтые пятна, расплывающиеся в черноте, дрожащие, как отражения в разбитом зеркале. Оно замедлило ход. Оно любило смотреть на них. Свет сверху был единственной связью с тем миром, который оно почти забыло, и иногда — редко — от этого света в нем что-то отзывалось.

Что-то человеческое.

Но не сегодня.

Сегодня Оно чувствовало голод.

Голод был не в животе — живота оно не ощущало. Голод был глубже. Он был в самой его сути, в той темной сердцеvine, вокруг которой когда-торосло что-то похожее на душу. Голод был старым.

Оно поднялось выше.

Поверхность была близко. Всего несколько метров. Оно чувствовало ее по-другому — по тому, как свет становился резче, по тому, как вода делалась теплее, по тому, как где-то там, на границе двух миров, воздух касался воды и оставлял на ней тонкую дрожащую пленку.

Голоса.

Оно слышало их раньше, чем увидело. Два голоса. Женские. Смех. Легкий, чуть пьяный, тот самый смех, от которого у людей в груди становится тепло.

Женщины были счастливы.

Оно поплыло медленнее.

Оно поднималось почти вертикально, едва шевеля руками — если то, что у него было, можно было назвать руками. Длинные. Сильные. С перепонками между пальцами. Оно остановилось почти у самой поверхности — так близко, что чёрная вода над ним сделалась тоньше плёнки, и сквозь неё уже пробивался свет фонаря, дрожащий, размытый, живой.

Фонарь.

Две женщины.

Они шли по набережной, держась под руки, и их тени длинно тянулись по бетону, спотыкаясь друг о друга. Одна что-то говорила, вторая смеялась, запрокидывая голову. Каблуки стучали по парапету — нестройно, вразнобой, как стук дождя по жестяному карнизу. Они остановились у поворота, там, где набережная расходилась в две стороны, и Оно увидело, как они обнялись.

Долго. Крепко. Так, как обнимаются люди, которые не хотят прощаться.

Потом одна пошла налево. Вторая — направо.

Оно смотрело.

Та, что пошла направо, двигалась медленнее. Ее шаги были неуверенными, она то и дело поправляла лямку сумки, сползавшую с плеча. В свете фонаря ее волосы блестели, как темная вода. Она что-то напевала себе под нос — тихо, без слов, просто мелодию. Она была красивая.

В какой-то момент она стала важнее всего остального мира. Важнее фонарей. Важнее дна. Важнее тишины, в которой

Оно жило.

Её тепло. Её шаги. Её дыхание — оно слышало его сквозь бетон и воду, тихое, живое, ритмичное. Оно хотело это тепло. Не так, как хотят люди — с сомнением, с оглядкой, с вопросом «а можно ли». Оно хотело просто. Целиком. Без остатка. Хотело почувствовать, как это тепло окажется рядом, совсем близко, ближе, чем что-либо другое за долгие годы. Хотело, чтобы оно стало его — не на время, не на минуту, а так, как становится своим всё, что уходит под воду.

Была черная вода. Был свет фонаря где-то далеко наверху. Было тепло — чужое, живое тепло, которое вдруг оказалось совсем рядом, а потом начало уходить. Медленно. Как уходит воздух из проколотого мяча. Как уходит свет из комнаты, когда закрываешь дверь.

Был звук. Один короткий звук, который тут же растворился в плеске воды.

А потом не стало ничего.

Только вода. Только глубина. Только дом.

Оно уходило вниз, в черноту, в холод, и в этом не было ничего страшного — только покой. Только тишина. Только та пустота, которая была его единственным настоящим воспоминанием.

Оно не думало о том, что будет утром.

Оно вообще не думало о будущем. Будущего для него не существовало.

А потом наступила тишина.

Глава 1

Набережная была оцеплена.

Красная лента тянулась вдоль дорожки, перехватывая проход к воде, и на фоне раннего майского утра выглядела особенно неуместно. Здесь ещё не успел начаться обычный городской день: редкие прохожие шли молча, кто-то выгуливал собаку, издалека доносился шум первых машин. Над Серебрянкой висел холодный серый свет, вода казалась почти чёрной, а голые местами деревья отбрасывали на дорожку длинные тени.

Сам район не располагал к долгим прогулкам, особенно в такое время. Здесь всегда чувствовалась какая-то тяжёлая, неприветливая атмосфера: старые дома, тёмные дворы, гаражи и хозяйственные постройки, спрятанные за деревьями, редкие фонари, которые днём уже почти не замечаешь, а ранним утром они только подчёркивают пустоту улиц. В некоторых окнах ещё горел свет, но большая часть домов казалась совершенно сонной. За спиной тянулись дворы, где по ночам лучше было не задерживаться без причины, а ближе к воде становилось совсем тихо.

Серебрянка давно имела репутацию района, где можно было столкнуться с чем угодно. Здесь хватало мест, в которых после наступления темноты не хотелось оказываться одному.

Подъезды со старыми металлическими дверями, плохо освещённые проходы между домами, пустыри, заброшенные уголки у воды — всё это создавало ощущение, будто город здесь немного отступает и оставляет после себя что-то своё, не слишком приятное.

Для большинства минчан Серебрянка была просто одним из спальных районов. Для тех, кто работал в уголовном розыске и следствии, у неё имелась совсем другая сторона.

И сейчас эта сторона была передо мной.

Я приехал около шести.

Я вышел из машины и на секунду задержался, чтобы поправить воротник. Рубашка была выглажена ещё с вечера — ни единой складки, ни одной морщинки у манжет. Я всегда одевался так, будто ехал не на место происшествия, а на важную встречу. Отчасти это была привычка, отчасти — что-то вроде защиты. В моей работе слишком многое выходило из-под контроля, и одежда была одной из немногих вещей, которые я мог держать в порядке.

Ботинки были начищены до блеска. Даже сейчас, когда я шёл по влажной дорожке, на них не оседало ни пылинки — я машинально обходил лужи, не задумываясь об этом. Тёмные брюки сидели по фигуре, ремень был затянут ровно, без перекоса.

Оперативная группа уже была на месте. Машины стояли у края дороги, одна из них мигала проблесковыми маячками, хотя необходимости в этом уже не было. Возле оцепления

разговаривали двое сотрудников, чуть дальше работал криминалист. Труп в воде мог означать что угодно: несчастный случай, самоубийство, убийство, пьяную компанию, случайное падение.

Когда я подошёл, один из оперативников, которого я звал просто Лешкой, сразу заметил меня и поднял руку.

— Вадим.

— Что у нас?

— Женщина. Обнаружили час назад. Тело лежало у самой воды. Мужчина шёл на работу, увидел и позвонил.

— Где он сейчас?

— В машине. Его пока опрашивают.

Я кивнул и прошёл за ленту.

На фоне остальных сотрудников я всегда выглядел немного нелепо. При моих ста девяти сантиметрах я выделялся даже там, где никто специально не обращал внимания на рост. Сейчас это было особенно заметно: набережная была пустой, и любой человек здесь сразу бросался в глаза.

Я подошёл ближе к телу.

От меня пахло дорогим парфюмом. Не резким, не навязчивым — скорее холодным и чистым, с лёгкой древесной нотой. Он не соответствовал этому месту. Здесь пахло сыростью, тиной и чем-то тяжёлым, что ещё не успело развеяться в утреннем воздухе. Мой запах был из другого мира — из мира, где вещи лежат на своих местах, где время подчинено

расписанию, а смерть если и случается, то хотя бы выглядит прилично.

Женщина лежала на влажной траве, почти у самого бетонного края. Одна нога была слегка согнута, волосы спутались и прилипли к лицу. — тёмные, мокрые, они закрывали почти всю левую щёку и часть лба. Кожа была мертвенно-бледной, с сероватым оттенком.

На лице застыло выражение, которое я видел десятки раз: не страх, не боль, а что-то среднее между удивлением и полной отрешённостью. Губы слегка приоткрыты, глаза закрыты не до конца — узкая полоска белков поблёскивала в утреннем свете.

Она была совершенно голой.

Ни куртки, ни платья, ни даже нижнего белья. Ничего. Только мокрое тело на мокрой траве, открытое холодному воздуху и чужим взглядам.

Тело выглядело молодым и сильным. Кожа была гладкой, без следов возраста или болезни, и только мертвенная бледность выдавала, что это уже не человек, а тело. Ни следов болезни, ни истощения, ни долгой борьбы с чем-то, что разрушало бы её изнутри. Это было тело человека, который ещё утром или вечером жил обычной жизнью: ходил, дышал, смеялся, строил планы. Смерть забрала его внезапно, не оставив времени на угасание.

Вокруг работали сотрудники, фотографировали место, отмечали положение вещей, старались не наступать туда, где

могли остаться следы.

Я отошёл от тела на несколько шагов — достаточно, чтобы оказаться в стороне от работающих криминалистов, но всё ещё видеть происходящее. Остановился у самого края бетонного парапета.

И только тогда посмотрел на воду.

Я видел достаточно трупов, чтобы давно перестать воспринимать их как что-то необычное. В моей работе смерть была частью обычного рабочего дня. Но к воде у меня было отдельное отношение.

Я умел плавать, но сама мысль об утоплении всегда вызывала у меня неприятное чувство, которое трудно было объяснить. Наверное, потому что это одна из тех смертей, где человек до последнего понимает, что происходит.

Ты ещё жив.

Ещё можешь дышать, думать, пытаться выбраться.

Но вода уже вокруг тебя, и с каждой секундой воздуха становится меньше.

Сначала ты не понимаешь, насколько всё серьёзно. Тело ещё слушается, руки ещё двигаются, мозг ещё уверен, что это временно. Ты гребёшь, ты рвёшься наверх, ты видишь свет — далёкий, дрожащий, искажённый толщей воды. Ты тянешься к нему. И почти достаёшь.

А потом лёгкие начинают гореть.

Не больно — хуже. Как будто внутри что-то сжимается, сжимается всё сильнее, и этот спазм не отпускает. Ты хочешь

вдохнуть, но знаешь, что нельзя. Инстинкт требует вдоха, а разум кричит: нет, нет, не сейчас. И ты держишься. Секунду. Две. Три.

А потом сдаёшься.

И в тот момент, когда рот открывается, вода входит внутрь — быстро, тяжело, безжалостно. Она заливает горло, трахею, лёгкие. Ты пытаешься кашлять, но под водой это невозможно. Ты пытаешься вытолкнуть её, но она уже внутри. И тогда приходит то самое чувство, от которого у меня до сих пор сводит живот.

Беспомощность.

Момент, когда человек понимает, что больше не контролирует собственное тело. Руки ещё двигаются, но уже не слушаются. Ноги ещё бьют по воде, но это уже не плавание, а судорога. Ты больше не плывёшь — ты тонешь. И каждая секунда уносит тебя глубже.

На земле можно остановиться. Можно отступить. Можно ухватиться за что-нибудь. Можно просто встать.

В воде всё иначе.

Если человек начинает тонуть, ему уже некуда отступать.

Он пытается вдохнуть, но вместо воздуха получает воду. Хватается руками за пустоту, пытается подняться, а тело уже не слушается. Мышцы сводит, в груди что-то рвётся, и ты чувствуешь, как темнота подступает не снаружи, а изнутри. Последнее, что остаётся, — это не боль. Последнее — это понимание. Ты знаешь, что происходит. Знаешь, что это ко-

нец. И ничего не можешь сделать.

Я тряхнул головой, прогоняя наваждение. Горло пересохло, хотя я не сказал ни слова. Я сглотнул — машинально, проверяя, что могу. Что воздух проходит. Что я стою на земле, а не там.

На секунду мне показалось, что я чувствую вкус воды. Холодной, тяжёлой, с привкусом тины и чего-то металлического. Я сжал челюсть и заставил себя дышать ровно. Вдох. Выдох. Вдох.

Я заставил себя перестать смотреть на воду и сосредоточился на работе. Я начал осматривать участок вокруг тела.

Мокрый бетон, следы спасателей, несколько отпечатков обуви сотрудников, которые успели подойти раньше меня. Ничего очевидного.

Я посмотрел на край реки.

— Кто-нибудь спускался сюда до приезда группы?

— Только мужчина, который обнаружил тело. Но он говорит, что к воде не подходил.

— Проверим.

Я достал блокнот.

— Что-нибудь при ней нашли? Украшения, часы, телефон?

— Ничего.

— Сумка? Что-нибудь из одежды?

— Тоже нет.

Я посмотрел на тело ещё раз.

— Хорошо. Ничего не трогать без фиксации.

— Уже поняли.

Я присел рядом, когда криминалист закончил фотографировать положение тела.

На правом запястье погибшей были следы. Несколько тёмных отметин шли почти параллельно друг другу. Это не выглядело обычным синяком. Скорее следами сильного захвата.

Я посмотрел на вторую руку. Там ничего похожего не было.

— Только на правой?

— Да.

Я снова посмотрел на отметины.

— На следы пальцев похоже.

— Я тоже так подумал.

— Но пока ничего не утверждаем.

— Понял.

Я поднялся.

— Камеры?

— Есть одна на доме напротив. Ещё одна смотрит на дорогу.

— Проверить обе. Не только момент обнаружения. Нужен нормальный промежуток до него.

— Хорошо.

Записал в блокнот.

Дата. Время. Место. Положение тела. Обнаруженные сле-

ды.

Потом попросил Лешку показать материалы, которые они уже успели собрать. Он передал мне первый лист. Я пробежал глазами по фамилии обнаружившего тело, времени звонка, адресу. Затем посмотрел фотографии на телефоне сотрудника.

— Здесь время отличается.

— Где?

— В записи пять сорок семь. На фотографии метка пять сорок девять.

Лешка посмотрел на экран.

— Точно.

— Исправь. И потом проверьте, чтобы в протоколе не осталось другой цифры.

Я вернулся к телу.

Вокруг было тихо. Слишком тихо для места преступления.

И тогда я почувствовал запах.

Слабый, но отчётливый.

Сначала мне показалось, что пахнет самой водой. Влажной травой, сыростью, тиной. Но через несколько секунд я понял, что запах идёт от тела.

Я вдохнул ещё раз.

Что-то тяжёлое, сырое, немного сладковатое. Неприятное, но не настолько, чтобы сразу отшатнуться.

Я нахмурился.

— Что-то не так? — спросил оперативник.

— Нет.

Я не стал объяснять.

Возможно, обычный запах воды и человеческого тела. В подобных местах легко убедить себя в чём угодно, особенно если спал всего несколько часов.

Я поднялся и ещё раз посмотрел на женщину.

Передо мной была обычная картина места преступления: парапет, бетон, мокрые следы, тело, вода.

Но чем дольше я смотрел, тем меньше мне нравилось отсутствие вещей.

Если женщина оказалась здесь случайно, где её одежда?

Если это было самоубийство, почему ничего не нашли?

Если её убили, что произошло до того, как тело оказалось в воде?

И главное — кто был рядом?

Я достал телефон, проверил уведомления.

— Нужно установить личность как можно быстрее. Проверить камеры, ближайшие остановки, дворы. Кто она, откуда пришла и почему оказалась здесь. Поднимем заявления о пропавших за последние сутки, — сказал я. — Женщины подходящего возраста. Отдельно проверить тех, кто живёт или работает в этом районе.

— Сделаем.

— Больницы тоже. Если кто-нибудь обращался ночью после драки или нападения.

— Понял.

Я убрал телефон.

— И ещё раз поговорите с тем, кто её обнаружил. Пусть подробно восстановит маршрут. Откуда шёл, во сколько вышел, кого видел.

— Сделаем.

Я кивнул.

На работе мне не нравилось оставлять что-либо в подвешенном состоянии. Один забытый лист, одна неуточнённая цифра, один человек, которого решили не опрашивать второй раз, — всё это потом превращалось в проблему. Поэтому я предпочитал проверять даже то, что казалось мелочью.

Особенно мелочь.

Потому что иногда именно она оказывалась единственным, что связывало всё остальное.

Я снова посмотрел на следы на запястье женщины.

Я пока не знал, что они означают.

Не знал, кто эта женщина.

Не знал, как она оказалась здесь.

И уж точно не знал, что это только начало.

Я отошёл от оцепления, достал сигареты и закурил.

Дело мне не нравилось.

С первого взгляда — обычный труп в воде. Такое случается. Люди падают, люди прыгают, люди тонут по пьяни. Но здесь было слишком много того, что не складывалось в простую картину.

Голая женщина. Без одежды. Без документов. Без сумки. Следы захвата на правом запястье. Молодая, здоровая — такие просто так не оказываются у воды в пять утра.

Если это убийство, то оно могло быть хорошо спланированным. Или наоборот — спонтанным, грязным, сделанным наспех. И тогда убийца где-то рядом. Может быть, в этом же районе. Может быть, среди тех, кто сейчас стоит за лентой и курит, отводя глаза.

Если это самоубийство, то почему она голая? Почему нет вещей? Почему следы на руке?

Если несчастный случай — то где одежда? Где всё остальное?

Слишком много вопросов. Слишком мало ответов.

Такие дела я не любил. Они не раскрываются быстро. Они тянутся месяцами, обрастают бумагами, версиями, людьми, которые что-то видели, но не помнят что. А потом уходят в архив. Всяк. Одна из тех папок, которые ты перекладываешь с места на место, надеясь, что однажды появится зацепка. Но зацепки не появляются. И ты просто перестаёшь открывать эту папку.

Дым смешался с холодным утренним воздухом. Я несколько секунд просто стоял, глядя на реку.

Она была совершенно спокойной. Слишком спокойной для места, ещё хранящего память о недавно найденном теле.

И от этого мне почему-то стало ещё неудобнее.

Я выбросил сигарету в урну и убрал руки в карманы.

— Ладно, — сказал я. — Работаем.

Глава 2

Около десяти утра я приехал в управление. За окном уже давно начался обычный рабочий день: по улицам шёл транспорт, возле остановок собирались люди, город постепенно избавлялся от ранней утренней тишины. В отделе было привычно шумно — звонили телефоны, хлопали двери, кто-то спорил из-за принтера, из соседнего кабинета доносился приглушённый разговор.

Я снял куртку, повесил её на спинку стула и сел за компьютер. Передо мной лежала папка с материалами по делу, но я пока не стал её открывать. Первым делом нужно было просмотреть камеры.

Я открыл систему видеонаблюдения и начал искать нужные.

Телефон зазвонил раньше, чем я успел посмотреть первую запись.

— Да?

— Вадим, это я.

Я сразу узнал голос Лешки.

— Слушаю.

— Личность установили.

Я отложил мышку и взял блокнот.

— Кто?

— Романюк Марина Юрьевна. Двадцать три года.

Я записал имя и возраст.

— Родителям сообщили?

— Да. Уже сообщили. Отец приезжал, мать пока дома.

Я на секунду замолчал.

Теперь у нее было имя. Для нас это означало новую стадию работы, а для её родителей — окончательное подтверждение того, чего они, наверное, до последнего не хотели слышать.

— Что ещё?

— Водолазы утром прошли участок. Нашли вещи. Телефон и сумку выловили из реки чуть ниже по течению.

— Всё?

— Пока да. Ещё выяснили, что она возвращалась из клуба с подругой. Лера её звали. Подруга уже едет к нам. Скоро должна быть.

— Хорошо. Как приедет — сразу ко мне.

— Понял.

Я положил трубку и посмотрел на экран.

Если вещи нашли в воде, версия с обычным ограблением уже начинала разваливаться. Конечно, нельзя было исключать, что убийца сначала забрал их, а потом выбросил вместе с телом. Но теперь у нас хотя бы было то, чего не хватало утром, — возможность восстановить содержимое сумки и проверить телефон.

Я снова вернулся к камерам.

Первую запись нашёл быстро.

23:46.

Клуб.

Из дверей вышли две девушки.

Я остановил видео.

Одна была выше, с тёмными волосами. Вторая — заметно ниже и светлее. Она что-то рассказывала подруге, активно жестикулировала, потом обе засмеялись. Я приблизил изображение. Лицо разглядеть было трудно, но по описанию, которое мне уже дали, всё сходилось.

Светловолосая и невысокая — Лера.

Вторая — Марина.

Я продолжил просмотр.

Они шли рядом, не торопились. Несколько раз останавливались, разговаривали. Никаких конфликтов, никакого преследования, рядом не было подозрительных машин или людей, которые держались бы слишком близко.

23:58.

Они переходят улицу.

00:17.

Продолжают идти вместе.

00:31.

Снова попадают в объектив камеры.

Я перематывал запись небольшими отрезками, пока наконец не дошёл до нужного участка.

00:39.

Девушки вышли к дороге, которая шла рядом с каналом.

Здесь их маршрут расходился. Лера остановилась, что-то сказала Марине и пошла в сторону домов. Марина некоторое время стояла на месте, потом продолжила движение вдоль дороги.

Я несколько раз прокрутил этот момент.

Ничего необычного.

Никакой ссоры. Никакого человека, который подошёл к ним. Марина не выглядела испуганной. Она просто пошла дальше.

После этого она исчезла.

Я переключился на следующую камеру. Потом на следующую. На одном участке изображение перекрывало деревья, на другом нужная часть дороги вообще не попадала в объектив. Я просмотрел несколько маршрутов, но Марина больше нигде не появилась.

Значит, после 00:39 мы теряли её из поля зрения.

Через несколько минут дверь кабинета открылась.

— Здравствуйте...

Я поднял голову.

В дверях стояла девушка.

Невысокая, светловолосая. На ней была тёмная куртка, волосы собраны в небрежный хвост. Лицо выглядело измученным, под глазами залегли тени.

— Лера?

Она кивнула.

— Да.

— Проходите. Садитесь.

Она вошла и осторожно села напротив меня. Руки держала на коленях, пальцы постоянно двигались, будто она не знала, куда их деть.

Я представился, хотя она наверняка уже знала, зачем её вызвали.

— Я следователь, Вадим Александрович. Нам нужно подробно восстановить вчерашний вечер.

— Хорошо.

— Полное имя, дата рождения.

Она назвала данные.

Я записал.

— Марина была вашей подругой?

— Да.

— Близкой?

Девушка кивнула.

— Очень.

Она посмотрела вниз.

— Мы пять лет знакомы.

— Вчера вы вместе приехали в клуб?

— Да.

— Во сколько?

— Где-то в девять вечера. Может, чуть раньше.

— В котором часу вы оттуда ушли?

— Примерно в 12 ночи.

— До этого вы были вместе всё время?

— Да.

— Марина с кем-нибудь знакомилась?

Лера нахмурилась.

— Вроде нет.

— Вроде?

— Ну... к ней подходили люди. Как обычно в клубе. Кто-то познакомиться пытался. Она могла пару слов сказать, но ни с кем не уходила.

— Она пила?

— Да.

— Много?

— Нет. Я бы не сказала. Два коктейля, может быть.

— Вы уверены?

— Да.

Я отметил это в протоколе.

— После выхода из клуба вы сразу пошли домой?

— Да.

— Вместе?

— Да.

— О чём разговаривали?

Лера пожала плечами.

— О всяком. О работе. О Паше.

Я поднял взгляд.

— О каком Паше?

Она замолчала.

— Её парень.

— Марина состояла с ним в отношениях?

— Да.

— Давно?

— Они вместе жили уже какое-то время.

Я сделал пометку.

— Где?

Лера назвала адрес.

— Они хорошо ладили?

На лице девушки появилось выражение, которое я заметил сразу.

— Не очень.

— Что значит «не очень»?

— Они постоянно то ссорились, то мирились. Последние недели вообще всё было странно.

— Из-за чего?

— Я не знаю точно...

— Но вы знали, что между ними напряжённые отношения?

— Да.

— Они собирались расставаться?

— Марина говорила, что устала.

Я отложил ручку.

— Когда она вам это сказала?

— Несколько дней назад.

— Дословно помните, что она говорила?

— Что больше не хочет так жить. Что Паша её достал.

— Он её бил?

Лера резко подняла голову.

— Нет. Я не знаю. Она никогда не говорила, что бил.

— Угрожал?

— Не знаю.

— Ревновал?

— Да.

Ответ прозвучал сразу.

— Насколько сильно?

— Очень.

Я записал.

— Хорошо. Вернёмся к вчерашнему вечеру. В районе 00:39 вы расстались возле дороги рядом с рекой?

Лера кивнула.

— Да.

— Почему вы пошли в разные стороны?

— Я живу в другой стороне. Марина должна была идти дальше.

— Она собиралась домой?

— Да.

— Одна?

— Да.

— Она выглядела нормально?

— Да.

— Не была испугана?

— Нет.

— Не говорила, что за ней кто-то идёт?

— Нет.

— Не упоминала мужчину, с которым познакомилась в клубе?

— Нет.

— Не звонил ей никто?

Лера задумалась.

— Кажется, телефон у неё звонил.

Я сразу поднял глаза.

— Когда?

— Уже после клуба. Может, когда мы шли.

— Кто звонил?

— Не знаю. Она посмотрела на экран и не ответила.

— Вы видели имя?

— Нет.

— Она что-нибудь сказала?

Лера несколько секунд молчала.

— Кажется, сказала: «Потом».

— Кому?

— Я не знаю.

— Вы уверены, что это было вчера?

— Да.

— Почему запомнили?

Девушка сжала пальцы.

— Потому что она потом сказала, что не хочет портить себе вечер.

— Что она имела в виду?

— Не знаю.

— Вы спрашивали?

— Нет.

Я записал этот момент отдельно.

— После того как вы разошлись, Марина вам больше не звонила?

— Нет.

— Вы ей не звонили?

— Нет.

— Почему?

Лера посмотрела на меня так, будто вопрос показался ей странным.

— Я думала, она дома.

Я не стал отвечать.

Несколько секунд мы сидели молча.

Потом Лера вдруг спросила:

— Она правда умерла?

Я посмотрел на неё.

До этого момента она держалась, отвечала на вопросы, пыталась вспоминать детали. Но теперь голос у неё сорвался.

— Да.

Она закрыла лицо ладонями.

— Господи...

Я дал ей время.

Через несколько секунд она вытерла глаза и тихо сказала:

— Я должна была пойти с ней.

— Не вините себя.

— Я оставила её одну.

— Вы сделали то, что делали обычно. Вы разошлись по домам.

— Но если бы я...

— Валерия.

Она подняла на меня глаза.

— Сейчас мне нужно, чтобы вы вспомнили всё, что можете. Даже то, что кажется совершенно неважным. Понимаете?

Она кивнула.

— Да.

— Хорошо. Тогда ещё раз. Когда вы разошлись, Марина пошла вдоль реки?

— Да.

— Она была одна?

— Да.

— Вы видели кого-нибудь рядом с ней?

— Нет.

— Машину?

— Нет.

— Мужчину?

— Нет.

— Женщину?

— Нет.

— Кто-нибудь стоял у воды?

Лера задумалась.

— Я не помню.

— Хорошо.

Я закрыл блокнот.

— Пока всё.

Она поднялась, но у двери остановилась.

— Вадим Александрович...

— Да?

— Найдите его.

Я ничего не ответил.

Дверь закрылась.

Я ещё некоторое время смотрел на неё.

«Найдите его».

Пока я даже не знал, кого именно она имела в виду.

Но через некоторое время выяснить это всё равно предстояло.

Телефон зазвонил снова.

— Вадим, морг.

— Да.

— Есть предварительное заключение по Романюк.

Я открыл блокнот.

— Слушаю.

— Время смерти ориентировочно между часом и двумя
ночи.

Я записал.

— Причина?

— Утопление. Есть признаки того, что перед попаданием в воду девушка могла подвергнуться насилию. Но окончательное заключение позже.

— Что по биологическому материалу?

— Нашли. Образец изъяли, направили на исследование ДНК.

— Хорошо.

Я положил трубку и откинулся в кресле.

Теперь всё становилось ещё сложнее.

Я посмотрел на часы, затем на карту, лежавшую на столе.

В 00:39 Марина рассталась с Лерой. После этого она исчезла с камер. Между этим моментом и предполагаемой смертью оставалось от двадцати минут до полутора часов.

Этого времени было достаточно практически для чего угодно.

Я начал перебирать версии.

Первая: половой контакт произошёл ещё до клуба. Возможно, с Пашей. Марина могла встретиться с ним перед тем, как поехать с Лерой, после чего отправилась в клуб. Затем, уже после полуночи, на неё напал кто-то другой. Нападение, возможно, закончилось убийством, а тело выбросили в канал.

Но тогда нужно было понять, где Паша находился в это время, когда он видел Марину последний раз и действительно ли между ними был половой контакт.

Вторая версия выглядела иначе. Полового контакта с Па-

шей перед клубом не было. После того как Марина рассталась с Лерой, она могла столкнуться с нападавшим. Если найденный биологический материал принадлежал ему, то сексуальное насилие могло быть частью самого преступления. После этого её убили и выбросили в канал.

Эта версия казалась мне более правдоподобной, особенно с учётом того, как было обнаружено тело. Но и здесь существовал неприятный вопрос: преступник мог намеренно оставить обстоятельства таким образом, чтобы мы сразу пошли по следу сексуального преступления. Иногда убийца делает очевидное очевидным именно потому, что хочет скрыть что-то другое.

Третья версия возвращала нас к Паше.

Нападавшим мог оказаться человек, который знал Марину лучше всех. Они жили вместе. У них были напряжённые отношения. Она собиралась уйти от него или, по крайней мере, серьёзно об этом думала. Этого уже было достаточно, чтобы проверить его.

А ограбление я убирал из числа основных версий. Водолазы нашли сумку и телефон в реке. Это ещё не означало, что вещи обязательно находились при Марине в момент нападения, но классическая версия «убил ради денег и забрал всё ценное» становилась слабее.

Я взял фотографию с места преступления и снова посмотрел на правую руку Марины.

Следы на запястье.

Они были слишком отчётливыми.

Если они действительно появились в момент борьбы, тот, кто держал её, сжимал руку с огромной силой. Не просто схватил, а удерживал так, что после него остались заметные следы.

Я невольно представил себе эту сцену и тут же отогнал её. Слишком рано.

Я не хотел превращать предположение в картину преступления.

Но одно было очевидно: Марина, не просто оказалась в воде. На неё кто-то напал.

Кто именно — предстояло выяснить.

Я закрыл папку и записал два пункта внизу страницы: ДНК.

Паша.

С этого момента оба становились одинаково важными.

Глава 3

Домой я приехал далеко за десять вечера.

Дело Романюк никуда не торопилось и одновременно не давало о себе забыть ни на минуту. За последние несколько дней мы успели опросить нескольких человек, поднять записи с камер, проверить телефон Марины, собрать информацию о её знакомых. Работа шла своим обычным порядком, без каких-либо резких прорывов. Иногда расследования именно такими и были: ты каждый день проводишь десятки разговоров, просматриваешь часы видеозаписей, перебираешь документы, снова возвращаешься к уже изученному и пытаешься заметить то, что пропустил раньше.

Паша, молодой человек Марины, уже успел побывать у нас на допросе. Его алиби проверили, телефоном и перемещениями тоже занялись. Самое главное — результат ДНК не совпал с биологическим материалом, обнаруженным у Марины.

Это означало то, чего я, в общем-то, уже ожидал.

Перед смертью над ней надругался другой человек.

От этой мысли становилось неприятно даже спустя несколько дней. Убийство само по себе было страшной вещью, но здесь преступник сначала унизил человека, а потом лишил его жизни. Я не любил долго прокручивать в голове подробности подобных дел. От них не становилось про-

ще работать, а иногда, наоборот, начинал слишком хорошо представлять, что переживала жертва в последние минуты.

В последнее время я всё чаще ловил себя на мысли, что начал переживать за Катю.

Не потому, что у меня были основания считать, будто ей что-то угрожает. Пока — никаких. Поздний вечер. Девушка идёт одна. Пустая улица. Незнакомый человек, который оказывается рядом в нужный ему момент.

Я прекрасно понимал, что не должен приносить работу домой. И всё же иногда это получалось само собой.

Я вышел из машины, поднялся в квартиру и ещё в коридоре услышал включенный кран.

— Это ты? — донеслось из кухни.

— Я.

— Наконец-то.

Катя появилась в дверном проёме уже в домашней одежде. На ней была свободная футболка и мягкие серые брюки, волосы распущены после душа. Русые пряди ещё немного блестели от влаги, а зелёные глаза выглядели сонными. У неё было очень миловидное лицо — не кукольное, а живое, тёплое, с мягкими чертами, которые особенно менялись, когда она улыбалась.

Сейчас она не улыбалась.

— Который час ты обещал приехать? — спросила она.

Я посмотрел на часы.

— Не обещал.

— Вот именно.

Я усмехнулся, снял идеально нащиенные ботинки и прошёл на кухню.

У нас была небольшая, но вполне удобная квартира. Мы жили вместе уже некоторое время, и за это время у каждого появились свои привычки. Вначале казалось, что бытовые мелочи будут раздражать, потому что люди особенно хорошо узнают друг друга именно в таких вещах. Не на свидании, не в ресторане, не во время хорошего вечера, а утром, когда один человек оставляет кружку возле дивана, второй спотыкается об тапки.

У нас всё оказалось проще, чем я ожидал.

Катя готовила чаще меня, хотя это не было вопросом обязанностей — просто у нас были разные подходы к еде. Я любил сложные блюда, где важна не столько скорость, сколько сама игра вкусов, сочетания, текстуры, специи, и ради этого мог провозиться на кухне дольше, чем следовало, потому что мне нравился сам процесс, нравилось пробовать, добавлять, менять, искать что-то новое, и в такие моменты я не думал о времени. Катя же, наоборот, не заморачивалась — она могла открыть холодильник, посмотреть, что есть, и через двадцать минут поставить на стол что-то простое, но всегда вкусное, всегда сытное, всегда к месту, и в этом была своя лёгкость, своя естественность, которой мне иногда не хватало. Она не тратила на еду полвечера, не искала идеальных пропорций, не переживала, если что-то пошло не по плану, — просто

делала, и получалось хорошо, и мы ели, и были довольны, и я думал, что, может, это и есть правильный подход к жизни, но всё равно возвращался к своим сложным блюдам, потому что не мог иначе.

Посуду мы обычно мыли по очереди. Точнее, старались мыть.

Катя могла оставить тарелку в раковине «на пять минут», а через час там уже появлялась вторая, потом чашка, потом бокал.

Я такое не переносил.

— Катя.

— Что?

— Почему посуда в раковине?

Она посмотрела на меня.

— Потому что я её туда положила.

— Это я заметил.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Я вздохнул.

— Ничего.

Самое интересное, что Катю это совершенно не беспокоило. Для неё порядок был скорее состоянием, при котором квартира не превращалась в свалку. Для меня этого было мало. Я замечал вещи, которые она вообще не считала вещами.

Крошки на столешнице. Криво поставленные стулья. Полотенце, повешенное не на тот крючок. Открытый шкафчик. Провода, лежащие слишком близко к краю стола.

Я не устраивал из этого трагедии и не ходил за Катей с тряпкой. Просто исправлял то, что замечал.

Иногда она специально оставляла какую-нибудь мелочь не на месте, чтобы посмотреть, сколько времени мне понадобится, чтобы её обнаружить.

— Ты неисправимый, — говорила она.

— А ты неряха.

— Я не неряха.

— У тебя кружка на подоконнике.

— Я знаю.

— Зачем?

— Потому что я её там поставила.

На такие ответы у меня обычно не находилось аргументов.

Уборку мы тоже делили. Генеральную делали вместе, хотя «вместе» в нашем случае означало, что Катя могла полчаса выбирать, с чего начать, а я за это время уже успевал помыть ванную и пропылесосить комнату.

Она смеялась над этим.

Я делал вид, что не обращаю внимания.

Мне нравилось, когда дома было чисто. Не идеально — именно чисто. Чтобы вечером можно было прийти, снять обувь, положить ключи на привычное место и не искать их утром по всей квартире.

Я прошёл в комнату, достал из шкафа домашнюю футболку и переоделся.

— Ты ел? — спросила Катя.

— Да.

Она посмотрела на меня с сомнением.

— Где?

— На работе.

— Это не ответ.

— В столовой.

— И что ел?

Я назвал ей то, что успел перехватить днём.

— Понятно, — сказала она. — Значит, сейчас будешь говорить, что не голодный, а через час полезешь в холодильник.

— Не полезу.

— Конечно.

Она была права.

Через несколько минут я уже стоял на кухне и наливал себе чай.

Катя сидела напротив и смотрела на меня.

— Дело всё ещё не двигается?

Я покачал головой.

— Двигается. Просто медленно.

— Ты нашёл того, кто это сделал?

— Нет.

Она немного помолчала.

— А этот Паша?

Я поднял глаза.

— Что Паша?

— Ну, парень той девушки.

— Проверяем.

— Он её убил?

— Пока неизвестно.

Я не хотел приносить домой детали расследования. Но Катя всё равно знала, что я работаю с убийствами, и понимала, что некоторые дела остаются со мной дольше, чем хотелось бы.

— А ДНК?

Я поставил чашку на стол.

— Не совпало.

— С Пашей?

— Да.

Катя нахмурилась.

— Тогда кто?

— Вот это и выясняем.

Она замолчала.

Я посмотрел на неё и вдруг подумал, насколько она далека от всего этого. Для неё убийство было новостью из разговора, страшной историей, которую можно обсудить вечером. Для меня — фотографиями, протоколами, показаниями, часами записей с камер.

Я не хотел, чтобы она привыкала к этому.

Наверное, поэтому и не рассказывал многого.

Катя встала, собрала со стола две кружки и понесла их к раковине.

Я посмотрел на неё.

— Оставь.

— Почему?

— Я сам помою.

— Ты только приехал.

— Ничего.

— Вадим, я не сахарная.

— Я знаю.

Она улыбнулась.

— Тогда сиди.

Я остался на месте, пока она включала воду.

Русые волосы снова упали ей на плечо. Она поправила их одной рукой и продолжила мыть посуду.

Я поймал себя на том, что просто смотрю на неё.

Наверное, именно в такие моменты и понимаешь, что действительно любишь человека. Не когда покупаешь цветы или говоришь правильные слова. А когда поздно вечером смотришь, как она моет твою кружку, и вдруг совершенно ясно осознаёшь, что не хочешь, чтобы однажды этого человека рядом не стало.

Катя была частью моей жизни настолько естественно, что я уже перестал замечать, когда именно это произошло.

Мне нравилось возвращаться домой и знать, что она здесь.

Нравилось слышать её голос из другой комнаты.

Нравилось, когда она занимала половину кровати, хотя

утром утверждала, что спала на самом краю.

Нравилось спорить с ней из-за открытого шкафа и неправильно поставленных чашек.

Нравилось даже то, что иногда она совершенно не понимала, зачем я складываю вещи определённым образом.

Я любил её.

Просто и без каких-либо оговорок.

И именно поэтому в последние дни мысль о Марине возвращалась ко мне не только на работе.

Если на девушку действительно напал незнакомый человек, значит, он где-то существует. Живёт своей обычной жизнью, ходит по улицам, покупает продукты, разговаривает с людьми и, возможно, ничем не отличается от сотен других людей.

Я посмотрел на Катю.

Она уже выключала воду.

— Иди спать, — сказал я.

— А ты?

— Ещё немного посижу.

— Только не до трёх ночи.

— Постараюсь.

Она подошла ко мне, поцеловала в щёку и ушла в спальню.

Я остался на кухне один.

Достал сигареты, открыл окно и закурил.

На улице было тихо. Где-то далеко проехала машина, по-

том всё снова стихло.

Я сделал затяжку и посмотрел на красный огонёк сигареты.

Завтра снова будет управление, документы, камеры, допросы и экспертизы.

И где-то среди всего этого нам нужно будет найти человека, который сделал с Мариной то, чего я пока даже не хотел подробно представлять.

Я докурил, затушил сигарету и проверил, закрыто ли окно.

После этого выключил свет и пошёл спать.

Глава 4

К тому моменту, когда мы собрались на свидание, дело Романюк уже несколько недель занимало большую часть моих мыслей. В управлении по-прежнему не было ничего, что можно было бы назвать настоящим прорывом. Мы проверяли людей, поднимали камеры, ждали результаты экспертиз, снова возвращались к тем же вопросам. Работа шла, но убийца оставался где-то за пределами нашего поля зрения.

Вечером я пришёл домой немного раньше обычного и застал Катю перед зеркалом.

Она стояла посреди спальни, держа в одной руке серьгу, а другой убирала волосы за ухо. На кровати лежали несколько вещей, которые она, очевидно, успела примерить и забраковать. Рядом валялась открытая косметичка.

— Ты уже час собираешься? — спросил я.

— Нет. Час десять.

— Тогда всё нормально.

Она посмотрела на меня через зеркало и улыбнулась.

На ней было чёрное платье чуть выше колен, довольно простое, но сидевшее на ней так, что никакой дополнительной вычурности не требовалось. Волосы она уложила мягкими волнами, оставив их распущенными. Зелёные глаза казались ярче обычного из-за тонкой подводки, а на губах был спокойный розовый оттенок.

Катя вообще умела выглядеть элегантно, не превращая это в демонстрацию. Наверное, профессионально заниматься организацией свадеб и не уметь привести в порядок собственный внешний вид было бы странно. Она могла часами обсуждать с невестой оттенки скатерти, форму букета или то, какие свечи лучше будут смотреться на столах, но сама при этом не выглядела перегруженной всем этим.

Я сел на край кровати и стал наблюдать.

Мне всегда нравились женщины, которые следят за собой. Не обязательно модельной внешности, не обязательно в дорогой одежде. Просто аккуратные. Чистые волосы, ухоженные руки, нормальная одежда, туфли, в которых женщина выглядит женщиной, а не пытается доказать всему миру, что ей всё равно, как она выглядит.

Наверное, я был немного старомодным.

Мне нравились каблуки. Платья. Небольшие серьги. Хороший парфюм. Мне никогда не был близок этот бесконечный подростковый стиль, когда взрослые женщины нарочно одеваются так, будто собираются во двор за чипсами. Огромные футболки, бесформенные штаны, кроссовки под всё подряд. Я понимал, что это удобно, и даже мог признать, что кому-то действительно идёт, но лично мне такое никогда особенно не нравилось.

Я предпочитал, когда женщина выглядела женственно.

Катя как раз была такой.

Но дело было не только во внешности.

В ней мне нравилось то, как она себя ощущала. Она не пыталась понравиться всем подряд. Если ей что-то не нравилось, она спокойно это говорила. Если кто-то переходил границу, Катя не начинала подбирать слова, чтобы никого не обидеть. Могла ответить довольно резко, если считала, что человек этого заслуживает.

В ней было какое-то спокойное уважение к самой себе.

Она не играла роль.

Наверное, именно поэтому я и был рядом с ней.

— Ты чего так смотришь? — спросила она.

— Любуюсь.

— Тогда продолжай.

Я усмехнулся.

— Уже закончил.

— Врёшь.

— Немного.

Она надела серьги и снова посмотрела на себя в зеркало.

— Ну?

— Красиво.

— Только красиво?

— Очень красиво.

— Вот теперь нормально.

Я поднялся с кровати.

— Нам пора.

— Я готова.

— Ты ещё духи не нанесла.

Она повернулась ко мне.

— А ты уже заметил?

— Конечно.

— Ты иногда пугаешь.

— Работа такая.

Она рассмеялась и взяла флакон.

В ресторан мы приехали ближе к восьми.

Место Катя выбирала сама. Дорогой ресторан в центре, куда мы обычно не заходили просто поужинать. Цены здесь были выше тех, которые я привык видеть в обычном меню, и я прекрасно понимал, что вечер обойдётся недёшево.

Но иногда я считал это нормальным.

Я вообще придерживался довольно простого правила: если у мужчины есть женщина, которую он любит, он должен её баловать. Не потому, что она обязана это получать, и не потому, что деньги каким-то образом заменяют внимание. Просто приятно иногда сделать человеку хорошо.

Даже если ради этого потом приходится немного ужаться в других расходах.

Катя не требовала дорогих ресторанов. Более того, я иногда подозревал, что ей вообще было всё равно, где мы ужинаем, если рядом хорошая компания. Поэтому я мог позволить себе такие вечера без ощущения, что меня к чему-то принуждают.

Нас проводили к столику у окна.

Я открыл меню.

Катя даже не стала долго смотреть.

— Карбонара и «Цезарь».

Я посмотрел на неё поверх меню.

— Серьёзно?

— Что?

— Мы пришли в ресторан, где одно блюдо стоит как мой недельный обед, а ты заказываешь карбонару.

— Да.

— И «Цезарь».

— Конечно.

— Ты хотя бы сделай вид, что изучаешь меню.

— Я его уже изучала на сайте.

— И всё равно выбрала карбонару?

— Вадим, я люблю карбонару.

— Я знаю.

— Тогда какие вопросы?

Я рассмеялся.

— Никаких. Просто могла бы попробовать что-нибудь новое.

— Ты попробуй.

— Я как раз попробую.

Я выбрал запечённое филе судака с картофельным кремом, зелёной фасолью и соусом из белого вина. Блюдо звучало гораздо интереснее, чем выглядело в меню, но я решил рискнуть.

Когда принесли еду, Катя посмотрела на мою тарелку.

— И кто теперь выпендривается?

— Я не выпендриваюсь. Я развиваюсь.

— За свои деньги развиваешься?

— Исключительно.

Она засмеялась.

Я смотрел, как она ест свою пасту, и думал, что в этом тоже есть что-то характерное для неё. Катя совершенно спокойно могла прийти в дорогой ресторан и заказать самое привычное блюдо. Ей не нужно было брать что-нибудь экзотическое только потому, что так принято. Если она хотела карбонару, она заказывала карбонару.

И мне это нравилось.

После ужина мы ещё долго сидели, разговаривали о работе, о её новых клиентах, о свадьбе, которую она должна была организовать через две недели. Она рассказывала о невесте, которая уже третий раз меняла цветовую гамму и теперь хотела одновременно белые, бежевые, розовые и зелёные элементы.

— Я скоро сама выйду за неё замуж, — сказала Катя.

— Ты же организатор.

— Вот именно. Я знаю о свадьбе больше, чем жених.

— Может, жених просто доверяет тебе.

— Он просто ничего не знает.

Я улыбнулся.

В такие вечера я особенно хорошо понимал, почему мы вместе.

С Катей было спокойно.

После ресторана мы решили немного пройтись. Вечер оказался тёплым, и город уже полностью проснулся после дневной суеты. Мы дошли до набережной и пошли вдоль воды.

Я заметил, что Катя выпила больше, чем обычно.

Она шла рядом, время от времени касаясь моего локтя, и рассказывала какую-то историю, которую я слушал вполуха. Вино сделало её разговорчивее и беспечнее.

Когда мы подошли ближе к краю набережной, Катя вдруг свернула к самому парапету.

— Смотри.

Она поставила ногу на невысокий выступ у края.

— Катя, слезь.

— Почему?

— Потому что ты пьяная.

— Я не пьяная.

— Конечно.

Она засмеялась и сделала ещё один шаг.

Я мгновенно схватил её за руку и оттащил назад.

— Вадим!

— Ты совсем?

— Я просто пошутила.

— Пошутила — хорошо. Теперь стой здесь.

Она посмотрела на меня с удивлением.

— Ты чего?

Я отпустил её руку.

— Ничего.

Но дело было не в том, что она была выпившая.

Я просто не любил воду.

Катя знала об этом, но никогда особенно не расспрашивала.

Я умел плавать. Более того, когда-то я плавал довольно хорошо. В школе и позже мог спокойно провести в воде много времени, нырять, задерживать дыхание. Страх воды появился не потому, что я никогда не умел с ней обращаться.

Он появился после одного случая.

Мне было лет шестнадцать или семнадцать. Мы отдыхали с друзьями на озере. Я заплыл дальше, чем следовало, и вдруг схватило ногу. Сначала я решил, что ничего страшного, просто судорога. Попытался перевернуться на спину, но нога не слушалась. Через несколько секунд понял, что начинаю терять силы.

Я до сих пор помнил это ощущение.

Когда вода уже не кажется просто водой.

Когда она становится вокруг тебя целым пространством, из которого нужно выбраться.

Мне тогда повезло. Я сумел дотянуться до мелководья, а потом несколько минут просто лежал на берегу и пытался отдышаться.

С тех пор я относился к воде с уважением.

Я не боялся бассейна. Не боялся моря. Не боялся самого

факта нахождения рядом с водой. Но никогда не лез туда без необходимости и тем более не позволял себе забывать, что вода ошибок не прощает.

После дела Марины это ощущение стало сильнее.

Я слишком часто видел перед собой ту реку.

Чёрную поверхность воды.

Тело у самого берега.

И теперь, когда Катя подошла к краю, всё это мгновенно вернулось.

— Ты чего такой серьёзный? — спросила она.

— Ничего.

— Из-за воды?

Я кивнул.

— Немного.

Она посмотрела на реку, потом снова на меня.

— Ты ведь умеешь плавать.

— Умею.

— Тогда чего боишься?

Я пожал плечами.

— Утонуть.

Она улыбнулась, но уже без насмешки.

— Логично.

Мы продолжили идти.

Я держал её за руку и старался не смотреть на воду.

Но краем глаза всё равно видел её.

Тёмную, спокойную, почти неподвижную.

И почему-то в тот вечер мне особенно сильно захотелось поскорее уйти отсюда.

Глава 5

— Я хочу услышать от вас одну простую вещь. Почему мы должны считать, что эти два убийства совершил один человек?

Начальник сидел во главе стола, сцепив пальцы перед собой, и смотрел на меня так, будто этот вопрос уже давно его раздражал. На столе лежали две папки. Слева — материалы по Марине Романюк, справа — то, что успели собрать по сегодняшнему убийству. Между ними лежали фотографии с мест преступлений, заключения экспертов и несколько листов с предварительными результатами, которые мы получили совсем недавно.

Я посмотрел на папки, потом на начальника.

— Потому что ДНК биологического материала внутри двух жертв совпадает.

Он немного помолчал.

В кабинете стало тихо. Я сам не любил делать громких выводов раньше времени, но сейчас в этом не было необходимости. Можно было сколько угодно обсуждать воду, разные места, возраст женщин, их образ жизни и обстоятельства исчезновения. Можно было строить десятки версий и пытаться найти между ними какую-нибудь тонкую связь. Но одна вещь уже не требовала никаких рассуждений.

У Марины Романюк и у Надежды Птичкиной внутри об-

наружили биологический материал одного и того же мужчины. ДНК совпадало.

— Материал действительно пригоден для сравнения? — спросил начальник.

— Да.

— Ошибка исключена?

— По предварительному исследованию совпадение подтверждено. Окончательное заключение будет оформлено отдельно, но оснований считать результаты ошибочными сейчас нет.

Он откинулся на спинку кресла и посмотрел на сидевших за столом оперативников.

— Тогда объясните мне, почему этот человек до сих пор на свободе.

Никто не ответил.

Я понимал его раздражение. Сам испытывал примерно то же самое.

Вторая жертва появилась слишком быстро. Ещё месяц назад у нас было одно убийство, которое можно было объяснить личным конфликтом, нападением случайного человека, сексуальным мотивом или знакомством, закончившимся трагедией. Теперь перед нами лежала вторая женщина.

Пятое июня.

До месяца один день не хватило после первого убийства.

Надежда Птичкина, двадцать девять лет, сотрудница банка. Невысокая, блондинка. Её нашли сегодня утром в Чи-

жовском водохранилище.

Другое место.

Другие обстоятельства.

Но теперь это уже не имело прежнего значения.

— Расскажите по второму преступлению, — сказал начальник.

Я открыл папку.

— Тело обнаружили утром в 4:30 на Чижевском водохранилище. Женщина находилась в воде недалеко от берега. Одежда и личные вещи были обнаружены рядом. Документы при ней. Деньги тоже. Телефон нашли на берегу. Поэтому версия ограбления практически не подтверждается.

— Время смерти?

— Пока предварительно. Час ночи. Точное время устанавливает экспертиза.

— Причина?

— Предположительно утопление. Окончательно скажет судебно-медицинская экспертиза.

— Следы?

Я перевернул несколько страниц.

— На левой руке обнаружен след сильного сдавливания. По характеру похож на тот, который был у Романюк, только у первой жертвы след находился на правой руке.

Начальник нахмурился.

— То есть он схватил её?

— Скорее всего. Насколько сильно — можно судить по

повреждениям. След выраженный.

— И биологический материал внутри?

— Да.

Он несколько секунд смотрел на меня.

— Такой же.

— Такой же.

— Тогда у нас сексуальный мотив.

— Вероятно, — ответил я. — Но я бы пока не сводил всё только к мотиву. Нам известно, что перед смертью обе женщины имели половой контакт с одним и тем же мужчиной. Но мы пока не знаем, был ли контакт добровольным, принудительным и в какой последовательности происходили остальные события. Это установит экспертиза и дальнейшее расследование.

Начальник кивнул.

— Хорошо. Тогда вопрос другой. Кто он?

Вот здесь начиналась настоящая проблема.

Я посмотрел на папку.

— Пока неизвестно.

— Камеры?

— Ничего.

— Совсем?

— Практически.

Я достал несколько листов.

— По Чижовскому водохранилищу камеры есть, но непосредственно место обнаружения тела они не закрывают. Есть

камеры на подъездах, на дорогах, возле отдельных объектов. Мы их уже начали просматривать. Пока ничего, что позволило бы уверенно установить человека, который находился рядом с Птичкиной перед смертью.

— Машины?

— Проверили. Пусто.

— Такси?

— Проверили. Пусто.

— Телефон?

— Изучаем детализацию и переписку.

— Значит, пока пусто.

— Пока да.

Начальник неприятно усмехнулся.

— У первого дела тоже было «пока».

Я промолчал.

Он был прав.

Первое дело действительно двигалось тяжело. Мы восстановили маршрут Марины до момента, когда она рассталась с подругой. Потом начиналась пустота. Камеры переставали её видеть. Свидетелей не было. Случайного человека, который оказался бы рядом в нужное время, найти не удалось. И теперь вторая история выглядела почти так же.

Будто человек, которого мы искали, прекрасно понимал, где камеры не работают.

Или просто ему везло.

— Что по окружению Птичкиной? — спросил я.

— Оперативники занимаются. Работаем по месту жительства, работе, контактам. Пока ничего необычного.

— А Романюк?

— То же самое.

Начальник посмотрел на меня.

— Значит, две женщины без очевидной связи. Один и тот же мужчина. Оба случая связаны с водой. И камеры ничего не дали.

— Пока так.

— Ты понимаешь, как это выглядит?

— Да.

— Как?

Я немного помолчал.

— Как будто мы ищем человека, который не хочет, чтобы его нашли.

— Очень содержательно.

Я проигнорировал тон.

— Если он действительно один и тот же, он либо хорошо ориентируется в городе, либо заранее выбирает места, где может остаться незамеченным. В первом случае нужно искать закономерность в местах преступлений. Во втором — в его поведении.

— Тогда ищите.

Он закрыл папку.

— Усилить группу. Поднять все камеры. Проверить дороги, стоянки, общественный транспорт. По обеим женщи-

нам — полный круг контактов. Мне нужны не только ближайшие люди. Если понадобится, поднимайте старые связи, места работы, знакомых, бывших мужчин.

— Понял.

— И ещё одно. Я хочу отдельную аналитическую таблицу по обоим преступлениям. Время, место, состояние жертв, последние контакты, маршруты, всё. Любое совпадение.

Я кивнул.

— Сделаем.

— И не делайте вид, что у вас есть время. У вас его нет.

Он посмотрел на меня.

— Если этот человек уже сделал это дважды, следующий раз он может не ждать целый месяц.

Я ничего не ответил.

Потому что именно об этом я думал уже несколько минут.

После совещания я вернулся в кабинет и первым делом снял пиджак. Повесил его на спинку стула, открыл окно и достал сигарету.

Курить хотелось не столько от напряжения, сколько от необходимости на несколько минут перестать думать о папках.

Не получилось.

Перед глазами всё равно стояли фотографии.

Марина.

Надежда.

Обе молодые женщины. Обе без одежды. Обе в воде. Один

и тот же мужчина оставил после себя биологический след.
Я затаился и посмотрел на лежащую передо мной схему.
Попытался составить его портрет.
Не внешность. Её мы пока даже приблизительно не знали.
Характер.
Привычки.
Образ действий.
Он вступал с женщиной в интимный контакт.
После этого она погибала.
Тело оказывалось в воде.
На руке оставался след сильного сдавливания.
Я остановился на последнем пункте.
Почему рука?

Если человек хотел просто убить, зачем было так сильно хватать её за запястье? Это могло быть обычным элементом борьбы. Женщина сопротивлялась, он удерживал её. Возможно, она пыталась вырваться. Возможно, хватал её, когда та уже понимала, что происходит.

Но тогда почему след настолько выраженный?

Я записал:

сильный физически.

Потом подумал и добавил:

контролирует ситуацию.

Такой человек не обязательно должен быть огромным или профессиональным спортсменом. Иногда физическая сила вообще не связана с внешностью. Но он должен был быть

способен удержать взрослую женщину, которая сопротивляется. Причём достаточно долго, чтобы совершить преступление и переместить тело.

Я перечеркнул последнюю строчку.

Слишком много предположений.

Вернулся к фактам.

Две женщины.

Один мужчина.

Вода.

Ночь.

Сексуальный контакт.

След на руке.

Пустые камеры.

Я откинулся на кресле.

Самым неприятным было даже не то, что камер почти не оказалось.

А то, что там, где они были, тоже ничего не находилось.

Будто человек появлялся уже после того, как его можно было заметить, и исчезал до того, как его можно было зафиксировать.

Я не верил в подобные совпадения. Но и делать из этого какую-то мистическую картину не собирался. На любой случай есть вполне обычное объяснение. Нужно только его найти.

Я снова открыл материалы по первой жертве.

Марина вышла из клуба с Лерой в 23:46. Они шли вместе.

Камеры показывали их несколько раз. В 00:39 пути разделились. После этого Марина исчезла.

Теперь я смотрел на эту временную отметку совсем иначе.

Если мужчина встретил её после этого, где именно?

На улице?

У воды?

Он мог знать её заранее?

Она могла сама согласиться пойти с ним?

Если да, почему?

Я сделал несколько пометок.

Затем перешёл к Птичкиной.

Её вечер пока был восстановлен гораздо хуже.

И это раздражало.

Почти каждый пункт заканчивался одинаково: установить, проверить, уточнить, просмотреть.

Словно мы снова начинали с нуля.

Я потёр переносицу и посмотрел на часы.

Прошло меньше часа после совещания.

А мне уже казалось, что прошёл весь день.

В дверь заглянул Лёшка.

— Есть кое-что по камерам.

Я поднял голову.

— Что?

— Пока ничего.

Я усмехнулся.

— Это ты сейчас зачем пришёл сказать?

— Потому что начальство требует отчёт, а отчёта у нас нет.

— Тогда всё как обычно.

Он зашёл и сел напротив.

— Я просмотрел камеры по основным направлениям. Есть машины, люди, такси. Но конкретно её нет. То есть Птичкина попадает на камеры раньше, а дальше — пропадает.

— Как Романюк.

— Да.

Я посмотрел на него.

— В какое время?

Он назвал время.

Я записал.

— И где последняя камера?

— Дальше дороги в сторону водохранилища.

Я поднял глаза.

— Значит, она сама пошла туда или кто-то её повёз.

— Пока не знаем.

— Машины рядом?

— Есть несколько. Проверяем.

— Хорошо.

Лёшка помолчал.

— Вадим, ты ведь понимаешь, что дело почти глухое?

— Понимаю.

Он удивлённо посмотрел на меня.

— И что делать будем?

Я затушил сигарету.

— Работать.

— Это понятно.

— Тогда чего спрашиваешь?

Он усмехнулся.

— Ничего.

Когда он вышел, я снова посмотрел на фотографии.

«Глухое дело» — именно так я бы назвал его, если бы говорил с самим собой честно.

Но вслух этого говорить было нельзя.

Нельзя было позволить себе решить, что мы ничего не найдём.

Я снова взял ручку и начал составлять психологический портрет.

Человек осторожный.

Физически сильный.

Спокойный настолько, чтобы не паниковать после преступления.

Жаждет сексуального контакта с будущей жертвой.

Вероятно, умеет располагать к себе или хотя бы не вызывает немедленного отторжения.

Не действует в состоянии полной потери контроля, иначе оставлял бы больше следов.

Знает город.

Знает, где можно оставить тело.

И, возможно, имеет опыт общения с женщинами.

Я остановился.

Последний пункт тоже был предположением.

Я зачеркнул его.

Нельзя было превращать догадки в факты.

Я уже собирался убрать лист, когда взгляд снова упал на даты.

6 мая.

5 июня.

Я задержался на них дольше, чем хотел.

Я не стал придавать этому значения. Просто отметил в таблице рядом с остальными данными.

В работе иногда самые странные совпадения оказывались бессмысленными. А иногда самая мелкая деталь, которую сначала никто не считал важной, потом становилась единственным ключом.

Я посмотрел в окно.

День уже давно вступил в свои права. Где-то за домами, за дорогами и дворами находилось Чижевское водохранилище. Обычный водоём, возле которого люди гуляли, отдыхали, купались, ловили рыбу. Место, которое для большинства ничего не значило.

Теперь там лежала женщина, а у меня на столе появилась ещё одна фотография.

Я подумал о Марине.

Потом о Надежде.

И снова о человеке, которого мы не видели ни на одной нужной камере.

Он уже дважды сделал это.

И пока мы только пытались понять, что между этими убийствами общего, он, возможно, уже знал, что будет делать дальше.

Глава 6

После второго убийства работа окончательно перестала помещаться в рабочие часы. Раньше я хотя бы мог провести границу: приехал в отдел — занимаюсь делом, вышел из здания — день закончился. Не всегда получалось, конечно, но я хотя бы пытался. Теперь эта граница исчезла. Я мог ехать домой и мысленно возвращаться к протоколу осмотра, ужинать и вспоминать фотографии с места преступления, лежать ночью рядом с Катей и вдруг думать о том, почему у обеих женщин оказался один и тот же биологический материал. Даже когда ничего не происходило, голова продолжала работать сама по себе, перебирая одни и те же детали в поисках связи, которую мы пока не находили.

Катя поначалу относилась к этому спокойно. Она вообще довольно быстро привыкла к тому, что моя работа может испортить любой нормальный вечер. Если я приходил поздно, она не устраивала сцен и не спрашивала по десять раз, почему я снова задержался. Иногда оставляла мне еду на плите, иногда просто писала сообщение, что будет ждать дома. Я ценил это больше, чем говорил ей вслух.

Это началось после того, как я в очередной раз пересматривал фотографии с места преступления. Я сидел в кабинете, листал файлы и чувствовал, как под кожей нарастает что-то липкое. Не грязь. Хуже. Как будто сам воздух в комнате

пропитался тем, что я видел на снимках. Я закрыл ноутбук, пошёл в туалет, открыл кран и долго держал руки под водой. Намылил. Смыл. Вытер. И только тогда смог вернуться к работе.

Я уставал. Не физически — хотя и физически тоже. Но это была другая усталость. Она накапливалась где-то под рёбрами, как вода в подвале. Я мог прийти домой, поужинать, поговорить с Катей, посмотреть фильм, лечь спать — и всё равно чувствовать, что что-то осталось на мне. Что-то, что не смывается ни сном, ни сигаретой, ни разговором. Что-то, что я принёс с работы и не могу оставить там.

А тут ещё жара. Июнь в тот год выдался тяжёлым. Днём город раскалялся так, что даже в тени было трудно дышать. В отделе работал кондиционер, но он не справлялся — окна выходили на солнечную сторону, и к обеду кабинет превращался в духовку. Я пил воду стаканами, потом бутылками, а порою прямо из куллера, но жажда не проходила. Горло пересыхало снова через минуту. Голова гудела, как трансформаторная будка, и в этой гудящей пустоте крутились одни и те же мысли: даты, имена, фотографии, вопросы без ответов.

Я возвращался домой разбитым. Не от работы — от всего сразу. От жары, от духоты, от собственных мыслей, которые не выключались даже ночью. Катя что-то говорила, я кивал, но не слышал. Садился на диван и смотрел в пустоту. Потом шёл в ванную.

Сначала просто умыться. Потом — сполоснуть руки. По-

том — постоять под душем. Вода была прохладной, почти холодной, и это было единственное, что помогало. Гудение в голове стихало. Липкое ощущение под кожей уходило. Я стоял под струёй и чувствовал, как напряжение медленно вытекает вместе с водой. Иногда я закрывал глаза и просто слушал. Шум воды заглушал всё остальное. Мысли. Усталость. Жару. Всё.

Но стоило выйти из ванной — и всё возвращалось. Гудение. Жажда. Липкость.

Иногда я думал, что если бы мог просто смыть с себя весь этот день — целиком, вместе с протоколами, фотографиями, запахами, — то стало бы легче.

Я не замечал, как это становится больше, чем привычкой. Как руки сами тянутся к крану, даже когда я не думаю о работе. Как вода успокаивает не только после тяжёлого дня, но и просто так.

Порою я забывался. Стоял под душем дольше, чем собирался, и не мог вспомнить, о чём думал минуту назад. Наверное, я действительно был сильно уставшим. Катя тоже так говорила.

Она вообще многое списывала на усталость. Мою. Свою. Нашу. Когда я приходил позже обычного, она не спрашивала, где меня носило. Мы по-прежнему жили вместе, ужинали, спорили из-за мелочей, выбирали фильмы на вечер и иногда могли полчаса решать, что заказать, хотя оба знали, что в итоге закажем примерно одно и то же. Она рассказы-

вала о работе, я иногда слушал вполуха, потому что в голове крутились детали расследования, а потом ловил её взгляд и понимал, что она уже несколько минут что-то рассказывает, а я пропустил половину.

— Ты вообще меня слушаешь?

— Конечно.

— Что я сказала?

Я улыбнулся.

— Сейчас проверим.

Она закатила глаза.

— Вот именно.

Я притянул её к себе.

— Рассказывай ещё раз.

Она сделала вид, что сердится, но через минуту уже снова рассказывала, а я действительно слушал.

Иногда мне казалось, что именно такие моменты и держат человека в нормальной жизни. Не какие-то большие события, а самые обычные вещи: женщина рядом, её голос, чашка кофе утром, разбросанные на кресле вещи, спор из-за того, кто опять не выключил свет в ванной. Её привычки, её смех, её манеру поправлять волосы за ухо, когда она задумывается. Всё это было моим. И я держался за это.

Иногда ловил себя на мысли, что она заслуживает большего, чем вечно уставший следователь с сигаретой и пустым взглядом.

Мне хотелось сделать ей приятно. Она задерживалась по-

сле работы, у неё какой-то заказ затянулся. Специально отпросился пораньше с работы, зашел в магазин, купил ее любимых креветок, намеревался приготовить ужин.

Мне хотелось, чтобы вечер получился именно таким. Уютным. Нормальным. Без работы, без дела, без всего.

Дома я разложил продукты на кухне, посмотрел на часы. До её возвращения оставалось около часа. Я успевал. Но сначала решил заскочить в душ — смыть с себя день, чтобы не сидеть за столом с этим липким ощущением под кожей. Скинул одежду, зашёл в ванную, включил воду.

И остался там.

Собирался принять душ.

Но набрал ванну.

Сам не знаю зачем.

Сначала просто стоял. Потом сел на бортик. Потом открыл кран ванны и стал смотреть, как набирается вода. Я не планировал задерживаться. Честно. Просто хотел на минуту расслабиться. Голова гудела после дня, спина ныла. Я закрыл глаза. Слушал, как льётся. Думал о пасте с креветками, которую собирался готовить. О Кате. О том, как она удивится, когда придёт и увидит накрытый стол.

Потом перестал думать.

Наверное, я действительно был сильно уставшим.

Когда пришла Катя, я всё ещё был там.

— Вадим?

Я открыл глаза.

Она стояла в дверях ванной и смотрела на меня с таким выражением, будто обнаружила в квартире что-то неожиданное.

— Ты здесь?

— Как видишь.

— Я вижу. Сколько ты лежишь?

— Не знаю.

Я посмотрел на часы.

— Уже почти два часа.

Я сам удивился.

— Серьёзно?

— Я успела прийти, переодеться, приготовить себе чай, посмотреть почту. И всё это время у тебя вода льётся.

Я выключил кран.

— Заснул, наверное.

Катя подошла, присела рядом и провела ладонью по моим волосам.

— Ты совсем замотался.

— Есть немного.

— Может, тебе отпуск нужен?

— Может.

Я взял её за руку.

— Но не сейчас.

Она ничего не ответила. Только улыбнулась и поцеловала меня в лоб.

Я вылез из ванны, вытерся и вышел следом.

Я всё-таки прислушался к ней и взял выходной. Один день. Ничего героического, просто отпросился у начальника, отключил утренний будильник и впервые за несколько недель проснулся не от того, что надо куда-то бежать. Солнце с самого утра висело в небе — белое, раскалённое, безжалостное. Оно не просто светило, оно давило, воздух в квартире был густым и неподвижным. Казалось, что он даже не двигается — просто стоит на месте, тяжёлый, как вода в застоявшемся пруду. Я открыл окно, но это не помогло.

Я лежал на кровати и смотрел в потолок. Катя уже ушла на работу, оставила записку на кухне: «Не забудь поесть. Люблю». Я прочитал её два раза и улыбнулся. Мне казалось, что я поступил правильно.

Но полностью свободным я себя не чувствовал. Даже в выходной. Ноутбук стоял на столе, и я знал, что там лежат файлы, которые я не открывал со вчерашнего вечера. Я говорил себе, что просто проверю почту. Потом — что просмотрю одно письмо. Потом — что гляну материалы, которые прислал криминалист. В итоге к обеду я сидел на кухне с открытым ноутбуком и перечитывал протоколы, которые знал почти наизусть. Дышать было трудно. Каждый вдох давался с усилием, будто лёгкие наполнялись не кислородом, а чем-то плотным и вязким. Я пил воду и почти не чувствовал её вкуса.

Катя вернулась раньше, чем я ожидал. Услышал, как поворачивается ключ в замке, как хлопает дверь. Она вошла и

сразу прошла на кухню. Я поднял глаза от экрана и замер.

Она была мокрая. Вся. Волосы прилипли к вискам, на шее блестели капли пота, блузка промокла насквозь и липла к телу. Она стояла в дверях, обмахиваясь ладонью, и улыбалась.

— Ты не представляешь, что там на улице, — сказала она.
— Я думала, умру по дороге.

Я не ответил. Смотрел на неё и не мог отвести взгляд. Тонкая ткань облепила плечи, грудь, талию — всё, что я знал наизусть, но сейчас видел будто впервые. Капли медленно стекали по шее, исчезали за вырезом, и я следил за ними, как за чем-то важным. Волосы, обычно мягкие и рассыпчатые, сейчас были собраны в мокрый пучок, и несколько прядей прилипли к щекам. Она дышала тяжело, часто, и от этого грудь поднималась и опускалась. На коже блестел пот — на лбу, над верхней губой, на ключицах. Я видел, как пот собирается в ложбинке у основания шеи, и мне хотелось провести там пальцем. Просто провести. Просто почувствовать.

Работа, протоколы, мысли о деле — всё ушло куда-то на периферию. Осталась только она. Мокрая. Живая. Тёплая.

— Ты меня слушаешь? — спросила она.

— Да.

— Я в душ.

Она ушла. Я слышал, как открылась дверь в ванную, как полилась вода. Сидел, глядя в экран ноутбука, но там не было ничего, что могло бы меня удержать. Я наконец закрыл крышку, встал и пошёл за ней.

В ванной было жарко и влажно. Пар поднимался к потолку, зеркало запотело. Катя стояла под струёй, спиной ко мне, и вода стекала по её спине, по позвоночнику, по бёдрам. Я разделся и зашёл следом. Она не обернулась, но я услышал, как она усмехнулась.

Я прижался к ней сзади. Положил ладони на её талию. Она была тёплой, скользкой от воды. Я провёл губами по её плечу. Потом по шее. Она запрокинула голову, и я почувствовал, как её мокрые волосы касаются моего лица. Я целовал её медленно, не торопясь, чувствуя каждую каплю на её коже. Она повернулась ко мне. Мы встретились взглядами, и она поцеловала меня сама. Глубоко, долго, так, что, казалось, я забыл кто я.

Её руки были у меня на плечах, потом на спине, потом ниже. Мои ладони скользили по её телу — по груди, по животу, по бёдрам. Вода падала на нас сверху, и я слышал только её шум и дыхание Кати. Поцелуи становились глубже, опускались ниже. Я целовал её шею, ключицы, грудь. Опускался всё ниже, чувствуя, как она дрожит. Она запустила пальцы в мои волосы и тихо выдохнула, когда я опустился на колени.

Я развернул её лицом к стене. Она упёрлась ладонями в кафель. Я провёл языком по внутренней стороне её бедра. Медленно. Долго. Она вздрогнула. Я чувствовал её запах — смесь воды, мыла и её собственный. Это сводило с ума. Я прижался губами к ней и услышал, как она выдохнула моё имя. Я работал языком медленно, ритмично, пробуя её всю.

Она была мокрой не только от воды, и я чувствовал это каждой клеткой. Мне хотелось больше. Глубже. Дольше. Я не торопился. Я хотел, чтобы она кончила так, чтобы у неё подкосились ноги.

Я нашел тот ритм, который заставлял её дышать чаще. Чувствовал, как её бёдра начинают дрожать под моими ладонями. Я добавил пальцы — один, потом два. Вошёл осторожно, чувствуя, как она сжимается вокруг них. Она была горячей, скользкой, живой. Я двигал пальцами внутри, одновременно работая языком, и чувствовал, как её тело начинает отвечать иначе.

Она дрожала всё сильнее. Я не останавливался. Ещё немного. Ещё чуть-чуть. Я ускорился, чувствуя, как она напрягается всем телом. Как её дыхание сбивается. Как она шепчет моё имя, а потом просто выдыхает — рвано, судорожно.

И она кончила с глухим стоном, который почти потерялся в шуме воды. Её тело дрожало. Я поднялся. Она повернулась ко мне, тяжело дыша, с блестящими глазами. Я поцеловал её. Она попробовала себя на моих губах и прижалась ко мне сильнее.

Но мне этого было мало. Я понял это внезапно и отчётливо. Мне хотелось не просто близости. Мне хотелось стать с ней одним целым. Слиться. Исчезнуть в ней. Я приподнял её — она была лёгкой, почти невесомой в моих руках, — и прижал спиной к кафелю. Катя обхватила меня ногами, ру-

ками вцепилась в плечи. Стена была холодной, но ей было всё равно. Мне тоже. Я держал её за бёдра, чувствуя, как ее мокрая кожа трется о мою. Я мог удерживать её так долго, не напрягаясь, и она это знала.

Я вошёл медленно. Катя выдохнула мне в шею и вцепилась пальцами в мои плечи. Я прижал её сильнее к стене — чтобы не скользила, чтобы чувствовать каждое движение. Вода лилась на нас сверху, стекала по её лицу, по моей спине. Я двигался глубоко, ровно, чувствуя, как она сжимается вокруг меня. Она прикусила губу. Я видел, как на её ресницах висят капли. Как вода собирается в уголках губ. Я наклонился и поцеловал её — прямо в эти капли, в приоткрытый рот, в её дыхание.

Она держалась за меня. Я держал её. Мы были чем-то одним — на несколько минут, на несколько движений, на несколько вдохов. Я закрыл глаза и позволил себе исчезнуть в этом. Мне хотелось, чтобы это длилось дольше. Я ускорился и ритм стал жёстче. Я чувствовал, как она дрожит. Как её тело отвечает мне.

Потом всё закончилось. Мы стояли, тяжело дыша, под остывающей водой. Катя повернулась ко мне. Её лицо было мокрым, глаза блестели.

— Ты сегодня... — начала она и не закончила.

— Что?

— Ничего. Хорошо.

Я поцеловал её в лоб. Мы все-таки нормально помылись,

выключили воду и вышли. Она взяла полотенце, начала вытираться. Я стоял и смотрел на кафель, по которому стекали последние капли. Мне не хотелось уходить. Я чувствовал себя спокойно. Так, как не чувствовал уже давно.

— Ты идёшь? — спросила она.

— Да. Сейчас.

Я ещё постоял немного. Потом вытерся и пошёл за ней.

Мысли о том, что произошло в душе, ещё долго не отпускали меня. Я лежал рядом с Катей и думал о том, как всё было — её мокрое тело, вода, её дыхание, её руки на моих плечах. Мне хотелось повторить это. Не сейчас. Потом. Завтра. Послезавтра. Снова и снова.

Глава 7

Оно не помнило, как оказалось здесь.

Не помнило, чьи это руки, чьи это мысли. Оно — это просто оно. Не мужчина, не женщина, не человек. Просто голод, обёрнутый в плоть. Холодная, скользкая, чуждая.

Был только поток. Оно текло. Оно было водой, которая не имеет формы, но заполняет собой всё. Сознание было размытым, как рябь на поверхности.

Оно ощущало.

Оно чувствовало притяжение. Слабое, но настойчивое. Где-то там, наверху, в мире суеты и тепла, билось сердце. Горячее, полное жизни, полное той самой жидкости, которая была ему так необходима. Оно поднималось сквозь толщу, сквозь ил, сквозь холодные слои, не испытывая сопротивления. Вода помогала ему.

Оно чувствовало их. Всех. Они — как огоньки в темноте. Тёплые. Живые. Пульсирующие. Они пахнут. Потом. Страхом. Слезами. Кровью. И водой. Вода в них — самая вкусная. Она солёная, но не как море. Она — живая. Она — их суть.

Оно приближалось. Бесшумно. Как рябь на поверхности. Как тень под водой. Она обернулась. Слишком поздно. Глаза расширились. Рот открылся, чтобы закричать. Но оно уже рядом. Его рука — коснулась её шеи. Кожа тёплая. Пульс

бьётся часто-часто. Оно чувствует его сквозь пальцы. Этот ритм. Этот страх. Это возбуждает.

Вот оно — дыхание. Прерывистое, влажное. Оно чувствовало, как воздух входит в лёгкие жертвы, и как оттуда выходит вода. Оно тянулось к этому теплу. Это не было голодом в человеческом понимании. Это была тоска. Тоска по целостности. Желание растворить это тепло в себе, сделать его частью своего бесконечного, холодного потока.

Оно не хотело причинять боль. Оно хотело слияния. Оно обвивало, сжимало, проникало в каждую пору. Оно чувствовало, как страх жертвы делает воду в её теле солёной. Это был особый вкус. Вкус жизни, которая угасает.

Она сопротивлялась. Царапалась. Но это неважно. Вода приняла их обоих. И вот здесь, в темноте, в холоде, начиналось главное. Оно не спешило. Оно наслаждалось. Каждым мгновением.

Это было не насилие, это был ритуал. Медленный, тягучий, как само течение реки. Оно чувствовало, как сознание жертвы гаснет, как её тело становится тяжелым и податливым. Оно напивалось этой энергией, этим последним теплом.

А потом — тишина. Только вода. И оно. И чувство... удовлетворения

Оно довольно колыхалось в темноте. Вода вокруг него успокаивалась. Но это было лишь временное насыщение. Где-то в глубине снова начинало расти желание. И оно зна-

ло: скоро придёт время.

Я открыл глаза.

Телефон звонил. Я лежал в кровати, мокрый от пота, и смотрел в потолок. Сердце колотилось так, что я слышал его в ушах. Руки дрожали. Во рту пересохло. Катя спала рядом, не проснулась. Телефон звонил снова. Я взял его.

— Вадим. Труп. Цнянское водохранилище, точную геолокацию уже сбросил.

Я посмотрел на время. Половина пятого утра. Четвёртое июля.

— Еду.

К вечеру мы собрались в отделе.

Начальник собрал только тех, кто допущен к материалам. Нас было семеро.

В кабинете было душно. Кондиционер работал, но не справлялся. Жара стояла такая, что даже стены, казалось, дышали теплом. Я сидел у окна, пил воду и слушал. В голове всё ещё шумело.

Начальник развесил на доске фотографии с трёх мест преступления. Три женщины. Три водоёма. Три даты. Он взял маркер и обвёл третью фотографию.

— Что у нас нового? — спросил он.

Криминалист поднялся. Он был молодой, но уже усталый — как все мы в те дни. Он пролистал папку и заговорил ровно, без эмоций.

— Следы удушения на третьей жертве. У Романюк и у

второй, Птичкиной, следы были на запястьях — характерные полосы, будто убийца держал руки. На третьей — следы на шее. Широкие. Давящие. Сдавливание сонной артерии. Смерть наступила быстрее. Он не держал её. Он её душил.

— Это меняет почерк? — спросил я.

— Не почерк. Механику. У первых двух он, возможно, не собирался убивать. Держал, чтобы не сопротивлялись. А тут — душил. Осознанно. Дольше. Может, ему понравилось.

В комнате стало тихо. Я откинулся на стуле и посмотрел на доску.

— Значит, он становится более жестоким, — сказал я. — От жертвы к жертве. Он не просто убивает. Он учится. Пробует. Ему нравится процесс. Первое убийство — май. Он ещё не уверен. Действует быстро, почти неумело. Второе — июнь. Уже увереннее. Третье — июль. Он уже знает, что делает. Следы на шее — это не случайность. Это выбор.

— Или он торопился, — сказал один из оперативников. — Может, кто-то мог помешать. Он услышал шаги и сжал сильнее.

— Нет, — возразил криминалист. — Если бы торопился, следы были бы неровные. Рваные. А тут — равномерное давление. Он не торопился.

Он прикрепил на доску крупный снимок. Шея третьей жертвы. Тёмные полосы. Широкие. Глубокие. Я смотрел на них дольше, чем нужно.

— И ещё, — продолжил криминалист. — Ни на одном

из трёх мест нет следов борьбы. Ни на земле, ни в воде. Ни отпечатков, ни вмятин, ни волочения. Тела лежат ровно. Как будто их положили. Аккуратно. Без спешки.

Он помолчал.

— И это самое странное. Если убийца нападал на них где-то в другом месте, а потом приносил к воде, — на теле были бы следы переноски. Гематомы. Ссадины. Ничего этого нет. Если он убивал их у воды, должны быть следы борьбы. Их тоже нет.

— Что это значит? — спросил один из оперативников. - Не по воздуху же их перенесли.

— Это значит, что они сами пришли к воде. Добровольно. Или почти добровольно. Он не тащил их. Он ждал. Выбирал. Нападал. - высказался я.

— Вы проверяли круг знакомых? — спросил он. — Может, всех трёх жертв что-то связывает? Общий знакомый? Место работы? Клуб? Что угодно.

Оперативник, который вёл эту линию, поднял голову.

— Проверяли. У первой и второй — Романюк и Птичкиной — общих знакомых нет. Разные районы, разные работы, разные компании. Пересечений — ноль. Ни по школе, ни по университету, ни по соцсетям. Я лично проверял.

— А третья? — спросил начальник.

— У первой и третьей есть пара общих знакомых. Два человека. Оба — мужчины. Оба уже проверены. Алиби железное. Один был на смене в ночь убийства — есть записи с ка-

мер. Второй — в командировке, билеты, отель, всё подтверждено.

— А между второй и третьей? — спросил я.

— Ничего. Пока что.

— Значит, связи между жертвами пока нет, — сказал он.

— Но убийца один. И он их как-то находит. Как-то выбирает.

— Он не ищет их через знакомых, — сказал я. — Он ищет их у воды. На набережных. У водохранилищ. У каналов. Он ходит туда. Смотрит. Выбирает. Ждёт. Они не знают его. Они просто оказываются в нужном месте в нужное время.

— Или он сам их приводит туда, — сказал криминалист.

— Знакомится. Втирается в доверие. Предлагает прогуляться. У воды.

— Тогда были бы свидетели, — сказал я. — Кто-то бы видел, как они уходили с мужчиной. Но никто не видел. Ни на одной из трёх точек. Ни одного похожего описания.

— Значит, он умеет быть незаметным, — сказал начальник.

— Или он не человек, — сказал криминалист.

Все посмотрели на него. Он пожал плечами.

— Я не про мистику. Я про то, что он может быть кем-то, кого не замечают. Кем-то, кто всегда у воды. Кем-то, кто для всех — часть пейзажа. Уборщик. Сторож. Рыбак. Кто-то, на кого не смотрят дважды.

Я слушал и смотрел на карту. На три точки. На воду. И

подумал, что он прав. Что убийца — часть пейзажа. Что он всегда там. Что его не замечают. Пока не поздно.

— Таким образом, мы ищем преступника.. — начальник встал, подошёл к доске и провёл ладонью по карте. — Мужчина. Возраст — от двадцати до сорока пяти. Физически сильный. Высокий. Спортивный. С крупными ладонями. Возможно, имеет отношение к воде — работает на воде, живёт у воды или просто проводит там много времени. Умеет плавать. Хорошо плавает. Может, даже профессионально.

Он посмотрел на криминалиста.

— Что там по экспертизе?

Криминалист пролистал папку.

— Мы брали заключение у психиатра. Он смотрел материалы, фотографии, протоколы. Его вывод — он не сумасшедший в чистом виде. Скорее всего он вменяем. Он не действует спонтанно. Он планирует. Выбирает. Ждёт. Он контролирует свои действия.

Дальше слова коллег и начальника смешались в один фоновый шум.

В голове что-то крутилось. Что-то, что я не мог ухватить. Я посмотрел на даты на доске. Шестое мая. Пятое июня. Четвёртое июля. Разница — ровно месяц. Всегда месяц. И даты сдвигаются. На день. На два. Я смотрел на них и чувствовал, что что-то упускаю. Что-то, что было прямо передо мной.

И тут всплыло. Просто. Неожиданно.

Катя. Два дня назад. Мы сидели на кухне, она листала те-

лефон, что-то читала. Я мучался от жары и не слушал. А она говорила. Что-то про гороскоп. Про то, что у неё «луна в скорпионе» или что-то такое. Я не помнил точно. Но помнил слово. Новолуние. Она сказала что-то про новолуние. Что в новолуние нельзя начинать новое. Что-то такое. Я не придал значения. Просто кивнул.

Я нашел в телефоне лунный календарь. Открыл его. Начал листать. Май. Июнь. Июль. Я искал даты. Я не был уверен, что я ищу. Просто смотрел на цифры. И потом увидел.

Шестое мая — новолуние. Пятое июня — новолуние. Четвёртое июля — новолуние.

— Новолуние, — сказал я.

Все посмотрели на меня.

— Что? — переспросил начальник.

— Шестое мая — новолуние. Пятое июня — новолуние. Четвёртое июля — новолуние. Все три убийства совпадают с новолунием. Разница — ровно лунный цикл.

В комнате стало тихо. Начальник нарушил молчание первым:

— Ты уверен?

— Да. Я проверил. Все три даты — новолуние. Это не совпадение.

Криминалист поднял голову.

— Это может быть ритуал, — сказал он. — Или цикличность, связанная с чем-то личным. Убийца привязан к лунному календарю. Это многое говорит о его личности.

— Или он связан с оккультизмом, — сказал я. — Эзотерикой. Чем-то, что мы не понимаем. Он не просто убивает. Он следует циклу. Лунному циклу. Он ждёт новолуния. И тогда действует.

Начальник помолчал.

— Значит, следующее — второе августа, — сказал я. — Тоже новолуние.

— Второе августа. Что ж, тогда у нас есть меньше месяца.

Я взял стакан. Вода казалась тёплой. Я выпил. Не почувствовал вкуса. Только жажду.

Глава 8

Мы топтались на месте, перебирая одни и те же версии, которые никуда не вели. Улики были, но они не складывались в картину. Следы на шее, вода в лёгких, отсутствие свидетелей. Мы знали почерк, знали цикл. Но не знали, кто он. И это сводило с ума.

Я работал больше обычного. Приходил в отдел раньше всех, уходил позже. Брал домой папки, которые не имел права брать. Сидел ночами над фотографиями и протоколами, искал связи там, где их не было. Катя уже привыкла к тому, что я не сплю. Она перестала спрашивать, когда я лягу. Просто оставляла на плите еду, которую я не ел, и уходила спать одна.

Я уставал так, что перестал чувствовать усталость. Тело работало на автомате: встал, умылся, оделся, поехал, сидел, смотрел, читал, писал, курил. Жажда сидела где-то в горле и не уходила.

В четверг я взял выходной. Первый за месяц. Катя ушла на работу рано утром. Я слышал, как она встала — тихо, стараясь не разбудить. Как прошла на кухню, включила чайник, загремела чашкой. Как вернулась в спальню и начала собираться. Я лежал с закрытыми глазами и делал вид, что сплю. Не потому, что не хотел с ней говорить. Просто не было сил. Всё, чего мне хотелось в тот момент, — это чтобы она ушла

и оставила меня одного. В тишине. В покое. В жаре.

Она подошла к кровати. Я почувствовал её запах — гель для душа, крем, что-то ещё, лёгкое, цветочное. Она наклонилась и поцеловала меня в лоб. Губы были прохладными.

— Я ухожу, — сказала она тихо. — Отдыхай. Ты давно не отдыхал.

Я не ответил. Она постояла ещё секунду, потом выпрямилась. Шаги к двери. Звон ключей. Щелчок замка. Тишина.

Я открыл глаза. Посмотрел в потолок. В комнате было душно. Я лежал в кровати ещё час. Может, два. Не мог заставить себя встать. Потом все-таки встал. Открыл холодильник. Внутри было пусто: полбутылки молока, яйца, кусок сыра, вчерашняя гречка в контейнере. Ничего, что можно было бы назвать едой.

Я оделся и пошёл в магазин.

До магазина было пять минут пешком. Я знал этот путь наизусть — каждый поворот, каждый бордюр, каждую трещину в асфальте. Но в тот день он казался длиннее. Может, из-за жары. Может, из-за того, что я шёл медленно. Я не торопился. Мне всё равно было некуда спешить. Я смотрел на дома, на окна, на кондиционеры, из которых капала вода. Капли падали на жестяные откосы и шипели, испаряясь.

Жара стояла такая, что дышать было тяжело. Пару дней назад прошли ливни, короткие, но сильные, и вода не успела уйти. Она осталась в лужах, в трещинах асфальта, в подвалах, в земле. А потом её подхватило солнце и подняло в воз-

дух. Каждый вдох давался с усилием. Рубашка прилипала к телу сразу, стоило выйти из дома. Пот не высыхал — он просто собирался на коже, стекал по спине, по вискам, по шее. Я вытирал лоб тыльной стороной ладони, но это не помогало.

Магазин был в конце улицы. Стеклопанные двери, яркая вывеска, кондиционер над входом. Я подошёл, и двери разъехались сами. Внутри ударил холод. Я на секунду замер, вдыхая прохладу. Взял тележку. Пошёл по ряду.

Молоко. Хлеб. Яйца. Сыр. Что-то к чаю. Всё как обычно. Я почти дошёл до кассы, когда увидел рыбный отдел.

Он был в конце зала. Прилавок с витриной, за стеклом — рыба. Свежая, охлаждённая, замороженная. Форель, сёмга, скумбрия, сельдь, треска, карп, лещ. Креветки. Мидии. Кальмары. Всё это лежало на льду, блестело.

Я остановился. Тележка сама повернула. Я подошёл к прилавок и стал смотреть.

Продавщица, немолодая женщина в белом халате, подняла голову.

— Что-нибудь подсказать?

— Нет, — сказал я. — Я просто посмотрю.

Я смотрел. Долго. На рыбу. На её серебристую чешую, которая блестела под лампами, на тёмные глаза, на розовые жабры, на то, как она лежит на льду — свежая, холодная, идеальная. Я смотрел на сёмгу, оранжевую, с белыми прожилками жира, и представлял, как она будет таять во рту. На скумбрию, мясо которой так хорошо идёт с лимоном и

чёрным перцем. На треску — белую, нежную, которая разваливается на слои, если её правильно приготовить. На карпа, крупного, с золотистой чешуёй, из которого получится отличная уха. На сельдь, солёную, жирную, с луком и маслом. На сардины в масле — маленькие, мягкие, которые можно есть прямо из банки, даже не разогревая. На креветки, розовые, скользкие, которые нужно чистить руками и обсасывать панцири. На мидии, тёмные раковины, внутри которых — нежное, солёное мясо. Я стоял и смотрел, и слюна собиралась во рту. Я хотел это. Всё сразу. Прямо сейчас..

— Мне вот эту, — сказал я.

— И эту. И вон ту. И ещё вот эту.

Продавщица кивнула. Начала взвешивать. Я смотрел, как она заворачивает рыбу в бумагу, кладёт в пакеты. Я не считал, сколько беру. Просто брал. Форель, скумбрию, треску, карпа. Креветки. Мидии. Всё, что видел.

— Вам хватит? — спросила она, когда я показал на ещё одну сёмгу.

— Да, — сказал я. — Наверное...

Я расплатился. Сумма была приличная — больше, чем я обычно тратил на продукты за неделю. Я взял пакеты и пошёл к выходу. На кассе кассир посмотрела на меня с удивлением: столько рыбы, а больше ничего. Я не обратил внимания.

Дома я разложил пакеты на кухне. Достал рыбу. Она была холодной, скользкой, пахла морем. Я достал сковороду,

включил плиту. Пока грелось масло, я стоял и смотрел на рыбу. Мне не терпелось. Я взял кусок сёмги. Он был холодным, упругим, покрытым тонкой плёнкой жира. Я положил его на сковороду, и он зашипел, запел, — горячий, солёный, такой, что закружилась голова. Зашипело. Запах ударил в нос, и я почувствовал, как что-то внутри меня сжимается. Голод. Настоящий. Такой, какого я давно не чувствовал.

Я съел первую порцию стоя, у плиты. Даже не сел за стол. Просто доставал рыбу со сковороды и ел. Горячую, сочную, солёную. Мясо было нежным, почти растворялось на языке, и я чувствовал, как оно проваливается в желудок, тёплое, тяжёлое. Я облизывал пальцы. Потом снова. И снова. Она была вкуснее всего, что я ел за последние месяцы. Я не помнил, когда последний раз получал такое удовольствие от еды.

Потом я сел. Посидел минуту. Выпил воды. Я пытался себя убедить, что наелся. Что хватит. Что рыбы было достаточно. Я выпил ещё стакан воды — жажда не ушла. Только усилилась. Я встал, прошёлся по кухне. Открыл холодильник, посмотрел на оставшуюся рыбу. Закрыл. Сел обратно. Посмотрел на часы. Прошло десять минут. Потом ещё пять. Я взял телефон, полистал, не понимая, что читаю. Отложил. Встал. Снова открыл холодильник. Стоял и смотрел на полку. Скумбрия. Треска. Карп. Сельдь. Сардины. Я знал, что не голоден. Но что-то внутри меня не соглашалось. Оно хотело ещё. Оно требовало. Я закрыл дверцу. Отошёл. Сел. Выпил воды. Прошло ещё десять минут. Я снова встал. Снова от-

крыл холодильник. На этот раз не закрыл. Стоял и смотрел. Потом взял скумбрию.

Я встал и снова пошёл к холодильнику.

Достал скумбрию. Пожарил. Съел. На этот раз медленнее. Но всё равно быстро. Слишком быстро. Я не мог остановиться. Я ел и чувствовал, как что-то внутри меня успокаивается. Как будто я утолял голод, который сидел во мне неделями. Голод, о котором я не знал. Кожа скумбрии лопалась под ножом, обнажая бледное мясо. Я ел его руками. Масло стекало по подбородку, я вытирал его тыльной стороной ладони и продолжал. Руки были липкими от рыбьего жира. Я не мыл их. Не хотел тратить время. Я стоял у плиты и ел, как будто от этого зависела моя жизнь. Как будто если я остановлюсь, что-то случится. Что-то плохое.

Потом достал треску. К этому моменту я уже не думал о том, как правильно её готовить. Просто бросил кусок на сковороду, даже не дождавшись, пока она как следует разогреется. Масло шипело, брызгалось, но я не обращал внимания. Перевернул один раз, второй, снял. Съел стоя. Даже не стал солить.

Потом карпа. Я не стал чистить его. Не стал потрошить. Просто разрезал на куски — криво, неровно, — и бросил на сковороду. Кости, чешуя, плавники — всё осталось. Я ел его руками, выплёвывал кости на стол, но некоторые проглатывал. Они царапали горло. Я не обращал внимания. Мясо было горячим, сочным, и я жевал быстро, почти не чувствуя

вкуса. Просто глотал. Один кусок. Второй. Третий.

Потом креветки. Я даже не стал их размораживать. Просто разорвал пакет, достал одну — твёрдую, холодную, покрытую изморозью. Панцирь был ледяным, пальцы сразу застыли от холода, но я не обратил внимания. Попытался очистить — не получилось. Панцирь не поддавался, и я раздавил его пальцами, чувствуя, как ледяные осколки впиваются в кожу. Мясо внутри было ещё замёрзшим, почти безвкусным, но я всё равно съел. Потом ещё одну. Потом ещё. Потом перестал чистить. Просто жевал целиком — с панцирем, с головой, с хвостом, с ледяной коркой. Хрустело на зубах. Холод обжигал язык, но я не останавливался. Я ел быстро, жадно, даже не чувствуя вкуса. Только холод. Только скользкое, твёрдое, чужое. Сок стекал по запястьям. Я не вытирал. Я просто ел. Быстрее. Ещё быстрее.

Одна порция, вторая, третья. Я возвращался к холодильнику, как будто что-то тянуло меня туда.

Меня начало мутить. Живот вздулся, стало тяжело дышать. Но я не остановился. Открыл холодильник, достал остатки. Ещё одна скумбрия. Ещё кусок трески.

Потом я открыл селёдку. Вакуумная упаковка поддалась с треском. Запах ударил в нос — резкий, солёный, знакомый. Я достал кусок руками. Мясо было холодным, упругим, скользким. Я съел его стоя, у раковины. Потом ещё. Потом ещё. Я не резал. Просто откусывал. Соль разъедала губы, но я не обращал внимания. Я ел селёдку, пока не остались толь-

ко пустые упаковки. Потом открыл сардины. Прямо в масле, из банки. Я вылил масло в рот, потом достал рыбу. Мелкую, мягкую, почти растворяющуюся. Я глотал их целиком. Кости, хвосты, головы. Всё. Я не жевал. Просто глотал. Масло стекало по подбородку, капало на футболку. Я не вытирал.

Когда я наконец остановился, на кухне было темно. Я сидел за столом. Передо мной лежали пустые упаковки. Бумага, пакеты, кости, панцири, головы, пустые банки из-под сардин, вакуумная упаковка от селёдки. Всё, что осталось от рыбы. Я купил её слишком много. Гораздо больше, чем мог съесть. Но съел всё. Столешница была залита маслом и рыбьим соком. На полу валялась чешуя. Пальцы были липкими, в мелких костях, в чешуе. Под ногтями — грязь. Во рту стоял вкус — рыбий жир, соль, что-то металлическое. Я сглатывал, но вкус не уходил. Он был везде: на языке, на нёбе, в горле. Я чувствовал его даже в носу. Как будто я дышал рыбой.

Я посмотрел на свои руки. Они пахли рыбой. Не просто пахли. Они воняли. Я вымыл их. Долго. С мылом. Потом ещё раз. Потом пошёл в ванную и умылся. Посмотрел в зеркало. Лицо было серым. Глаза были пустыми. Я не узнал себя на секунду.

Мне стало плохо. Физически. Живот вздулся, подташнивало. Я сел на пол в ванной и прижался спиной к холодному кафелю. Закрыв глаза. В голове шумело. Вода. Я сидел и слушал, как она шумит. Кран был открыт. Это хоть немного

отвлекало от отвратительного состояния.

Тошнота поднималась волнами — от живота к горлу, потом обратно. Я наклонялся вперёд, открывал рот, но ничего не выходило. Только сухой, тягучий спазм. Тело не хотело избавляться. Я сидел и чувствовал, как меня выворачивает наизнанку, но ничего не происходит. Только боль. Только тяжесть. Только это мерзкое, липкое ощущение внутри.

Я даже не пытался встать, просто ждал, пока отпустит. Я не понимал, что на меня нашло. Просто не понимал. Ещё утром я был нормальным человеком, который пошёл в магазин за продуктами. А теперь я сидел на полу в ванной, объевшийся рыбой. Я пытался вспомнить, как это произошло. Как я оказался здесь. Что я делал последние несколько часов. Но мысли путались. Они были как рыба в мутной воде — скользили, уходили, не давались в руки. Я хватал одну, но она выскальзывала, и я оставался ни с чем. Я не мог собрать их в цепочку. Не мог понять, где был, что делал, зачем. Просто сидел на холодном полу и чувствовал, как внутри меня всё сжалось в тугую ком.

Я просидел так час. Может, два. Катя пришла поздно. Она заглянула в ванную, увидела меня на полу.

— Вадим? Ты чего здесь?

— Ничего, — сказал я. — Живот болит.

Она присела рядом. Потрогала мой лоб.

— Ты весь холодный. Что случилось?

— Рыбу ел.

— Какую рыбу?

— Много. Я купил много рыбы.

Она посмотрела на меня. Потом на кухню. Потом снова на меня. Я видел, как её лицо меняется. Сначала — ничего. Просто усталость после рабочего дня. Потом — недоумение. Потом — что-то другое. Что-то, что она пыталась скрыть. Она стояла в дверях ванной и смотрела на меня, на мои руки, на моё лицо.

Я видел, как она пытается осмыслить то, что увидела. Как её мозг отказывается принимать это. Она смотрела на стол, на пол, на раковину, на меня — и не могла сложить это в одну картину. Это не укладывалось. Не сходилось. Она знала меня. Знала, как я ем. Знала, что я никогда не оставляю после себя беспорядок. Знала, что я аккуратный. Педантичный. Что я мою руки. Что я убираю за собой. А тут — это.

— Ты... — начала она и замолчала. — Ты всё это съел?

— Да.

— Зачем?

Я не ответил. Я не знал. Я правда не знал, зачем купил столько рыбы. И почему съел всё.

Катя помогла мне встать. Я был тяжёлый, неповоротливый, и она едва удержала меня, когда я пошатнулся. Она взяла меня под руку и повела в спальню. Я шёл медленно, переставляя ноги, как старик. Живот болел при каждом шаге. Меня мутило. Она довела меня до кровати, и я сел. Точнее, упал. Она приподняла мои ноги, уложила их на кровать, по-

том взяла подушку и подоткнула мне под голову. Я лежал и смотрел в потолок. Комната плыла.

Она села рядом.

— Тебе надо в больницу, — сказала она.

— Нет, — возразил я.

— Вадим.

— Нет.

— Ты объелся. У тебя может быть... я не знаю. Заворот кишок. Отравление. Что угодно. Тебя надо посмотреть.

— Не надо.

— Я вызову скорую.

Она потянулась к телефону. Я схватил её за руку. Резко. Сильнее, чем хотел. Она вздрогнула.

— Не надо, — сказал я. — Пожалуйста. Я не могу взять больничный... не сейчас.

Она посмотрела на меня. Долго. Я видел, что она боится. Не меня — за меня. Она не понимала, что происходит, и это пугало её больше всего. Она хотела помочь, но не знала как. Я отпустил её руку. Она убрала телефон.

— Хорошо, — сказала она. — Но если тебе станет хуже, я вызову. Даже не спрашивай.

Я кивнул. Она укрыла меня одеялом. Подоткнула края — как будто я был маленьким. Я закрыл глаза. Она посидела ещё минуту, держа меня за руку. Потом встала.

— Я уберу на кухне, — сказала она. — И вернусь.

Я слышал, как она ходит по кухне. Как собирает кости в

пакет. Как моет стол. Как открывает окно, чтобы проветрить.
Как выливает масло из сковороды. Как выкидывает пустые
банки. Как вытирает пол. Я лежал и слушал, пока не погрузился в спасительный сон.

Глава 9

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.